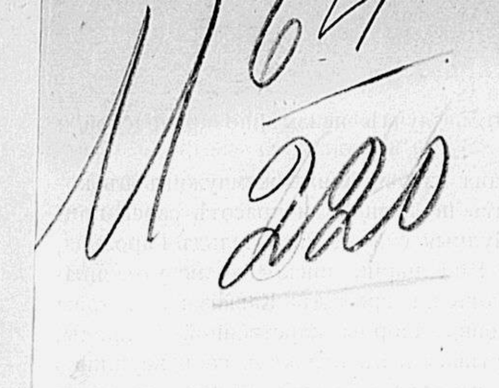

Въ заоблачномъ краю.

(Изъ путевыхъ впечатлѣній).

Едва-ли кто въ настоящее время можетъ сколько-нибудь серьезно оспаривать громадное воспитательное и образовательное значеніе путешествій вообще: они даютъ обильную пищу для ума и сердца, закаляютъ организмъ, укрѣпляютъ волю, развиваютъ сообразительность и способность быстро оріентироваться, упражняютъ всѣ наши органы чувствъ—эти своего рода продушины, черезъ которыя врываются въ сознаніе и становятся доступными намъ міръ звуковъ, міръ свѣта, міръ тактильныхъ и мускульныхъ ощущеній, однимъ словомъ, міръ разнообразныхъ колебаній, которыми пронизана вселенная,—главный источникъ нашихъ идей.

Все это давно уже по достоинству оцѣнено въ Западной Европѣ, и время, когда одни бонвиваны и располагающіе неограниченнымъ досугомъ знатные иностранцы наслаждались красотами прославленныхъ пѣвцами уголковъ, миновало. Едва закончатся учебныя занятія въ высшихъ и среднихъ школахъ, какъ Швейцарія наводняется учащейся молодежью изъ семействъ самаго различнаго достатка, отправляющейся болѣе или менѣе многолюдными толпами въ многодневныя экскурсіи. Нужно видѣть эти юныя загорѣлыя лица, нужно слышать восторженные молодые голоса, когда обладатели ихъ съ руксаками за спиной, съ фотографическими аппаратами и ботанизерками черезъ плечо карабкаются по утесамъ. Сколько тутъ ловкости и быстроты движеній, сколько жизнерадостности, энергіи и бьющаго ключомъ непринужденнаго и неподдѣльнаго веселья! Какой неизгладимый слѣдъ долженъ остаться въ душѣ каждаго,—тѣмъ болѣе въ юной душѣ,—кто видѣлъ хоть разъ величественную красоту горной природы, то грозной въ своихъ проявленіяхъ, то нѣжно

ласкающей, но въ томъ и другомъ случаѣ неизмѣнно прекрасной и неотразимо влекущей къ себѣ.

Кавказъ, эта, безспорно, одна изъ лучшихъ жемчужинъ въ коронѣ русскаго царя, не уступаетъ по величію и красотѣ своей природы чужеземнымъ Альпамъ. Чудныя строфы изъ Чальдъ-Гарольда, посвященныя Байрономъ красѣ Швейцаріи, нисколько не утрачиваютъ своего значенія и въ отношеніи громадъ Кавказа: они тоже „возвышаются предъ нами, словно дворцы царственной природы, обширныя стѣны которыхъ скрываютъ въ облакахъ свои вершины, здѣсь въ ледяныхъ чертогахъ холоднаго величія стоитъ престолъ Вѣчности; здѣсь зарождается, отсюда обрушивается снѣжная гроза лавинъ; все, что возвышаетъ и ужасаетъ умъ, собралось вокругъ этихъ вершинъ, какъ будто для того, чтобы показать, какъ земля можетъ достигнуть неба, оставляя внизу ничтожнаго человѣка...“; (Пѣснь III, строфа LXII).

Онъ давно ждетъ къ себѣ вереницы русскихъ туристовъ; онъ сумѣетъ широко раскрыть имъ свои объятія, доставить высокое эстетическое наслажденіе, наполнитъ чистой радостью ихъ сердца. Его сѣдые великаны способны поднять далеко отъ земли измученный непрестанной борьбой человѣческій духъ, заставить его яснѣе почувствовать тѣсную связь со вселеной, углубиться въ таинственную книгу міровой жизни, постигнуть во всей полнотѣ величіе творенія.

Правда, намъ еще долго придется ждать, пока ущелья и долины Кавказа, несущія на своихъ склонахъ столько сокровищъ сѣдой старины, покроются густой сѣтью удобныхъ дорогъ и гостепріимныхъ пансіоновъ. Но уже и въ настоящее время, спустя сорокъ лѣтъ послѣ того, какъ впервые нога европейца вступила на вершины Казбека и Эльбруса, безжалостно разрушивъ поэтическую легенду объ ихъ недоступности (англичанинъ Фрешвильдъ со своими спутниками въ 1868 г.), есть полная возможность широкимъ слоямъ русскаго общества насладиться красотами дивной высокогорной природы при сравнительно небольшихъ матеріальныхъ затратахъ и физическихъ усиліяхъ, благодаря трудамъ немногочисленныхъ піонеровъ русскаго альпинизма, скромныя имена которыхъ покрыты толстымъ слоемъ пыли въ архивахъ различныхъ ученыхъ обществъ, и заботамъ недавно возникшихъ Русскаго горнаго общества въ Москвѣ и Кавказскаго горнаго общества въ Пятигорскѣ. Симпатичныя задачи, преслѣдуемыя послѣднимъ обществомъ, въ особенности его стремленіе расширить и удешевить организацію ученическихъ экскурсій встрѣтили полное сочувствіе со стороны высшей администраціи края, а г. попечитель Кавказскаго учебнаго округа счелъ возможнымъ въ № 10 „Циркуляровъ“, издаваемыхъ при округѣ за 1907 г., помѣстить

уставъ Кавказскаго горнаго общества и циркулярнымъ предложеніемъ обратилъ вниманіе на устройство для учащихся научно-воспитательныхъ экскурсій по Кавказу, при чемъ педагогическимъ персоналамъ учебныхъ заведеній рекомендовалось обращаться за содѣйствіемъ къ названному обществу и вступать въ число его дѣйствительныхъ членовъ.

Помѣщаемая ниже статья представляетъ собой переработанный заново матеріалъ, помѣщенный еще въ августовскихъ номерахъ „Терскихъ Вѣдомостей“ за 1905 г. въ видѣ небольшой газетной замѣтки, написанной подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ предпринятаго мною въ томъ же году восхожденія на вершину Казбека, возвышающагося надъ военно-грузинской дорогой, гдѣ пролегалъ историческій путь, связавшій долины Закавказья съ переходящими въ степи южной Россіи нагорьями сѣвернаго Кавказа.

И если эти блѣдныя строки смогутъ хоть сколько-нибудь передать читателю то чувство восхищенія, какое охватываетъ путника при созерцаніи заоблачныхъ странъ, и пробудятъ въ немъ нѣкоторый интересъ къ далекому, такъ еще мало изслѣдованному краю, то авторъ сочтетъ себя болѣе чѣмъ удовлетвореннымъ за свой скромный трудъ.

„О, природа, какъ часто съ тобою
Я беззвучный веду разговоръ!
Со свободной моей нищетою
Ты сроднила свой дивный просторъ!“.
(А. Мейснеръ).

На дворѣ стояло хмурое іюльское утро 1905 г., когда тяжелая почтовая карета, не спѣша, увозила меня все дальше и дальше отъ Владикавказа, конечнаго пункта Ростово-Владикавказской желѣзной дороги, къ подернутымъ мглою горамъ. Солнце то выглядывало сквозь туманъ, то снова пряталось, нагоняя тоску. Точно въ каллейдоскопѣ промелькнули предъ глазами давно знакомые склоны Черныхъ горъ, съ замѣтно порѣдѣвшими покрывавшими ихъ въ прежнее время лѣсами; скошенные луга, нависающія надъ самой дорогой сѣрыя громады Передового известняковаго хребта съ вымытыми водой въ его толщахъ большими пещерами, украшенными по стѣнамъ крупными вкраплинами кальцита, гдѣ не разъ находили себѣ пріютъ путники, застигнутые въ дорогѣ непогодой или непроглядной ночной темнотой; вѣющая невозмутимымъ и строгимъ покоемъ долина Джераха, окаймленная мягкими склонами, сложенными изъ

песчанисто-глинистыхъ верхне-юрскихъ сланцевъ, съ ея сильно пострадавшей отъ бурныхъ ласкъ Терека старой крѣпостцей; сторожевыя Ларскія полуразрушенныя башни, погруженныя въ сладостный сонъ и воспоминанія о быломъ вмѣстѣ со своими сотоварищами, возвышающимися на противоположномъ берегу среди убогихъ саклей горнаго ингушскаго аула, господствующаго надъ выходами въ Джерахъ бокового ущелья; предверье излучистаго Дарьяла, съ его суровыми, примыкающими къ лейясовымъ сланцамъ отрогами, покрытыми сосенками и березками, на темнозеленомъ фонѣ которыхъ бурно пѣнится въ сосѣдней тѣснинѣ красавецъ Старый Ларсъ...

Все осталось позади. Впереди зіяла пасть мрачнаго Дарьяла. По его холоднымъ и угрюмымъ гранитнымъ утесамъ, тѣсно прижатымъ къ палеозойскимъ сланцамъ, точно крадучись, ползли облака, то обгоняя другъ друга, то сливаясь вмѣстѣ, и обдавали путника своимъ сырымъ дыханіемъ. На душѣ становилось какъ-то жутко; все приняло какой-то зловѣщій колоритъ; даже красавица Кистинка какъ будто присмирѣла и уже не съ прежнимъ беззаботнымъ весельемъ несла свои голубоватыя воды къ утесамъ стариннаго замка Тамары, сердито глядѣвшаго осиротѣлыми руинами въ мутныя волны Терека. Съ бѣшеннымъ ревомъ немного поодаль вырывалась изъ жаркихъ объятій тѣснины, промытой въ исполинской толщѣ конечной морены древняго глетчера, р. Кабахи, покрытая вся грязной пѣной, а въ глубинѣ ея ущелья, на право отъ дороги, сквозь сгущавшійся туманъ еще выглядывали верховья Девдоракскаго ледника и слабо вырисовывались покатые изгибы громаднаго бѣлаго купола, заполняющаго все отверстіе въ противоположной горной цѣпи, внезапно открывающееся предъ глазами зрителя, окончательно подавленнаго мрачнымъ величіемъ нагроможденныхъ другъ на друга скалистыхъ громадъ...

Скоро все скрылось изъ глазъ. Надвинулись тучи. Началъ моросить мелкій, холодный, чисто осенній дождикъ. Но желанный пріютъ уже близокъ. Точно обрываясь у крутыхъ скалъ, омываемыхъ волнами Терека, дорога перешла по Александровскому мосту на лѣвый берегъ. Вотъ и Гулетская сторожка. Старый кунакъ Муса Безуртановъ привѣтливо встрѣчаетъ меня въ своемъ насиженномъ гнѣздѣ, принявшемъ уже вполнѣ благоустроенный видъ, съ крытымъ сараемъ для сѣна и экипажей и прочими службами, съ насаженными подлѣ небольшими рябинками, раскачиваемыми до основанія порывистымъ вѣтромъ и словно недоумѣвающе переглядывающимися съ краснѣющими головками мака-самосѣйки. Но порой по лицу его пробѣгали змѣйками тѣни и передавали недавно пережитое волненіе изъ-за непріятнаго столкновенія съ сосѣдями-грузинами, едва не за-

кончившагося ужаснымъ кровопролитіемъ на почвѣ аграрныхъ недоразумѣній.

Шесть дней пришлось просидѣть мнѣ въ невольномъ заключеніи, такъ-какъ туманъ продолжалъ висѣть густой пеленой надъ горами, когда на время переставалъ итти дождь, и солнце лишь урывками выглядывало изъ-за облаковъ, давая мнѣ возможность побродить по окрестностямъ и облазить еще не знакомые утесы. Только вновь прибывающія и какъ-то незамѣтно исчезающія группы туристовъ вносили нѣкоторое оживленіе въ однообразную жизнь придорожнаго домика, и ихъ полныя восторженности рѣчи послѣ возвращенія съ Девдоракскаго ледника, нерѣдко подъ проливнымъ дождемъ, поддерживали во мнѣ рѣшимость дотерпѣть до конца.

Томительно долго тянулась послѣдняя непроглядная ночь въ опустѣвшей сторожкѣ подъ монотонные удары дождевыхъ капель въ стекла оконъ и ритмическій шумъ набѣгающихъ одна на другую волнъ разбушевавшихся Гулетки и Терека. Тѣмъ пріятнѣе было пробужденіе, когда безоблачная синева неба была залита золотистыми лучами не успѣвшаго еще подняться изъ-за горъ солнышка. Ущелье было погружено въ густую тѣнь, на фонѣ которой красиво выдѣлялись вершины сосѣднихъ хребтовъ, одѣтыхъ пеленой выпавшаго за ночь недолговѣчнаго снѣга, и объято бодрящей прохладой. Наскоро собравшись въ путь и взваливъ на плечи по пуду самаго необходимаго багажа, я съ подоспѣвшимъ очень кстати проводникомъ Лалаемъ Хуціевымъ (житель сел. Гергети, противъ ст. Казбекъ) вышли изъ караулки 30 іюля въ 5 ч. 30 м. утра по петербургскому времени. (Барометръ, любезно переданный мнѣ товарищемъ предсѣдателя Пятигорскаго Горнаго Общества Р. Р. Лейцингеромъ и довольно близко сходящійся въ отчетахъ съ имѣющимся при Владикавказской метеорологической станціи, показывалъ атмосферное давленіе=648 m.m.; $t=+15,6^0C$. въ тѣни; высота мѣста по анероиду=1380 метр. На Владикавказской метеорологической станціи приблизительно въ это самое время барометръ показывалъ $704,_1$ m.m.; $t=+17,8^0C$.; средняя высота Владикавказа=681 метр.).

Медленнымъ, строго размѣреннымъ шагомъ подвигался впередъ угрюмый мохевецъ; молча, шагъ за шагомъ слѣдуя за нимъ, шелъ и я. Путь предстоялъ далекій; силы нужно было беречь и не тратить легкомысленно на побитіе рекордовъ скорости. Миновали отвѣсныя стѣны палеозойскихъ сланцевъ, почти вертикально поставленныхъ, но собранныхъ, повидимому, въ нѣсколько сильно сдавленныхъ складокъ, на склонахъ одной изъ которыхъ въ глубинѣ ущелья Гулетки, подлѣ живописнаго водопада Хартъ-хи, въ кварцевой жилѣ находится заброшенная разработка мѣдной руды; миновали груды

крупныхъ валуновъ, среди которыхъ приходится лавировать на первой и второй верстѣ отъ караулки при подъемѣ на исполинскій горбъ конца древней морены Девдорака, круто обрывающейся надъ Терекомъ и размытой въ этой своей части на причудливые гигантскіе столбы въ нѣсколько десятковъ саженъ высотою; остались въ сторонѣ и два постепенно усыхающихъ ледниковыхъ моренныхъ озерца, красиво выдѣляющихся своею зеркальною поверхностью среди изумрудной зелени береговъ. Они раздѣляютъ общую участь наряду съ другими озерами сѣвернаго склона Кавказскаго хребта, усыханіе которыхъ совмѣстно съ обмелѣніемъ рѣкъ и измѣненіями въ ихъ теченіи, съ одной стороны, и наблюдающимся сокращеніемъ снѣжной области и уменьшеніемъ объема и длины ледниковъ, съ другой стороны,--слѣдуетъ, повидимому, отнести къ болѣе или менѣе вѣскимъ указаніямъ въ пользу того, что въ климатѣ Кавказа совершаются замѣтныя перемѣны, далеко не чуждыя и климата нашего отечества вообще, насколько можно судить о томъ по тяжелому кризису, переживаемому нашимъ народнымъ хозяйствомъ вотъ около тридцати лѣтъ.

Дорожка пошла по скошенному и вытоптанному лугу. Скоро скрылись изъ глазъ мальчуганы и дѣвочки, настойчиво предлагающія вамъ кусочки сѣрнаго колчедана или простого кварца съ криками „адынъ капэйка!" Стихъ отдаленный лай сторожевыхъ собакъ у затерявшихся въ небольшой котловинѣ примитивно сложенныхъ изъ сланцевыхъ плитъ пастушескихъ кутановъ, отъ которыхъ тянулась вереница женщинъ, идущихъ за водой къ сосѣднимъ озерцамъ со своими характерными, имѣющими длинныя узкія горлышки, металлическими кувшинами за спиной. И только несмолкаемый шумъ Кабахи, промывшей себѣ въ исполинской моренѣ глубокое ложе подлѣ правобережнаго, лишеннаго лѣса на южныхъ склонахъ, хребта, нарушалъ тишину яснаго, теплаго утра.

Вотъ показалась направо вдали серебристая змѣйка р. Чачъ, сливающейся съ сосѣдней Амилишкой, берущей начало изъ Девдоракскаго ледника, въ одно русло Кабахи у скалистаго мыса Ороцхали, раздѣляющаго ущелья обѣихъ ледниковыхъ рѣкъ. Стремительно несется она отъ родного Чачскаго глетчера по дикому, лишенному лѣса, ущелью, которое сама промыла себѣ по простиранію столь развитыхъ здѣсь палеозойскихъ породъ (черныхъ сланцевъ и сѣроватыхъ кварцевыхъ песчаниковъ, частью настоящихъ кварцитовъ, налегающихъ на нижележащій гранитъ и несущихъ въ себѣ гнѣзда графита), обдавая мельчайшими брызгами высокія, крутыя скалы, образуя мѣстами пороги и водопады, скрываясь подъ множествомъ снѣговыхъ заваловъ и такихъ же мостовъ, и снова появляясь въ

красивой рамкѣ зеленѣющихъ болѣе пологихъ склоновъ, гдѣ на яркомъ изумрудномъ фонѣ выдѣляются въ видѣ бѣлыхъ точекъ барашки и пожелтѣвшіе прямоугольники со стогами скошеннаго сѣна. Немного лѣвѣе, въ той сторонѣ, откуда съ оглушительнымъ шумомъ катитъ свои мутныя волны подъ уклонъ въ 30 градусовъ Амилишка, раскрывается величественная картина верховьевъ Девдорака, ниспадающаго во всемъ блескѣ его красоты крупными каскадами, разбитыми трещинами на хаосъ причудливыхъ глыбъ снѣга и льда.

Не доходя того мѣста, гдѣ широкая тропинка дѣлаетъ въ концѣ четвертой версты первый поворотъ къ правому, покрытому густой лѣсной зарослью, склону Девдоракскаго ущелья, мы направились прямымъ путемъ по отрогу, сокращая путь и оставляя въ сторонѣ сооруженія по устройству проволочной дороги для спусканія вагонетокъ съ мѣдной рудой съ верхнихъ частей ущелья. Тропинка поднималась все въ гору зигзагами, въ тѣни низкорослаго орѣшника, березы, ольхи, окруженныхъ роскошной и сочной травой, цвѣтами, красивымъ мохомъ, кустами созрѣвающей малины и костяники. Среди зелени кое-гдѣ весело журчали горные ручьи, перебѣгая черезъ дорожку и низвергаясь по крутымъ склонамъ обнаженныхъ сланцевъ съ бороздящими ихъ кварцевыми и зеленокаменными жилами въ глубокое и узкое ущелье р. Амилишки, бурлящей гдѣ-то далеко внизу подъ вашими ногами... Рощица кончилась. Потянулись густыя заросли великолѣпныхъ рододендроновъ, азалій, луга съ многочисленными представителями альпійской флоры. Еще одна пологая лужайка съ искрящимся ручьемъ, крутой подъемъ, и мы у завѣтнаго чистаго бѣлаго домика, гдѣ ждалъ насъ горячій чай на высотѣ 2350 метровъ (7 ч. 50 м. утра по петербургскому времени; t=+13,7°C.; барометр. давл. 580 m.m.) послѣ почти восьмиверстнаго пути.

Надъ нами раскинулась безоблачная синева небесъ, и только легкій вѣтерокъ пробѣгалъ по зеленѣющимъ лужайкамъ. Девдоракъ величаво покоился въ своемъ массивномъ сланцевомъ ложѣ, пронизанномъ мѣстами мощными зеленокаменными и кварцевыми жилами, являющимися рудоносными на правомъ его берегу и совершенно лишенными руды на лѣвомъ, входящемъ уже въ составъ крыльевъ другой сланцевой антиклинали, сосѣдней съ той, на мѣстѣ разрушеннаго свода которой находится ложе главной вѣтви современнаго глетчера, что наводитъ отчасти на мысль о томъ, что орудѣнѣніе послѣдовало не ранѣе того, какъ динамическія силы намѣтили основныя черты Девдоракской складчатости.

Солнце пригрѣвало все сильнѣе. Въ тѣни оставались только глубокія ущелья, разсѣкающія правобережные склоны Арчъ-Корт-

скаго хребта на рядъ отроговъ, подступающихъ дружной толпой къ груди сѣдого великана Казбека, увѣнчаннаго бѣлоснѣжной чалмой; ихъ склоны покрылись правильными змѣйками красиво взбѣгающихъ вверхъ тропинокъ, по которымъ шагаютъ горцы съ лопатой и киркой за добычей мѣдной руды въ открытыхъ разработкахъ и отчасти въ неглубокихъ штольняхъ. Мѣсторожденіе имѣетъ гнѣздовидно жильный характеръ и тѣсно связано съ контактами прорѣзывающихъ сланцы оруденѣлыхъ въ большей или меньшей степени кварцевыхъ жилъ, обыкновенно идущихъ по простиранію сланцевъ и только сравнительно рѣдко вкрестъ простиранія таковыхъ; преобладаетъ мѣдный колчеданъ съ довольно высокимъ процентнымъ содержаніемъ мѣди; въ качествѣ примѣсей—спутниковъ являются мѣдная лазурь, мѣдная зелень (углекислыя и окисныя соединенія мѣди), а также сѣрный колчеданъ, вообще довольно распространенный среди мѣстныхъ сланцевъ, гдѣ онъ является то въ видѣ примазокъ, то въ видѣ хорошо образованныхъ кубическихъ кристалликовъ, болѣе или менѣе легко вылущивающихся. Сами сланцы въ контактѣ наибольшаго оруденѣнія нерѣдко по внѣшнему виду напоминаютъ тонкозернистую зеленокаменную породу, что является слѣдствіемъ испытаннаго ими глубокаго химическаго измѣненія; что касается кварцевыхъ жилъ, то, судя по наблюдаемому въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вскипанію съ соляной кислотой, можно предположить въ оруденѣлыхъ участкахъ ихъ нѣкоторую примѣсь кальцита; штольни обыкновенно заложены въ мѣстахъ перекреста жилъ, наблюдающагося на высотѣ 2700 метровъ. Все пока складывается по близости въ карьеры; но уже повисли надъ безднами глубокихъ скалистыхъ ущелій, на днѣ которыхъ лежатъ снѣговые завалы, двѣ длинныя нити проволочныхъ канатовъ, поддерживаемыхъ тремя устоями, укрѣпленными на выдающихся пикахъ, и по нимъ порой быстро несется съ высоты 2850 метровъ вагонетка, наполненная рудосодержащей породой, пробѣгая весь путь—250 саж. въ три минуты. Нѣсколько ниже Девдоракской сторожки раздаются удары плотничьихъ топоровъ, то строится верхняя платформа для транспортированія руды по воздушной проволочной дорогѣ прямымъ путемъ внизъ къ мѣсту сліянія Амилишки съ Урачемъ.

Девдоракъ съ ранней весны и до поздней осени живетъ новой, незнакомой ему прежде жизнью, горное эхо далеко по окрестнымъ ущельямъ разноситъ призывный звукъ рожка, собирающій рабочихъ на отдыхъ въ пріютившуюся по близости отъ сторожки просторную, крытую толемъ казарму, подлѣ которой порою вспыхиваетъ на горнѣ огонь, накаляя до бѣла непослушныя полосы желѣза. Больше нѣтъ здѣсь былой тишины, нарушаемой лишь завываніемъ бури да немолчнымъ шумомъ Амилишки, съ бѣшенствомъ выгоняющей свои грязныя воды изъ-подъ нижняго конца Девдоракскаго ледника, отстоявшаго отъ сигнальной мѣтки въ сентябрѣ 1904 г. на 16 саженъ, въ маѣ 1905 года на 14 саженъ, а теперь, въ концѣ іюля 1905 г. на 18 саженъ. Слегка намѣченный нѣсколько лѣтъ тому назадъ сдвигъ въ верхней части гладкаго на своей крутой поверхности ледниковаго языка, достигающаго въ общемъ до тридцати саженъ въ длину, теперь замѣтно перемѣстился внизъ и, очень ясно обозначившись, повидимому, не заставитъ слишкомъ долго ждать концевого обрыва довольно объемистой глыбы льда въ волны Амилишки, что можетъ повлечь за собой образованіе на нѣкоторомъ разстояніи отъ конца ледника нежелательнаго временнаго затора, прорывъ котораго, въ случаѣ значительности его, неизбѣжно долженъ сопровождаться въ той или иной мѣрѣ большимъ ледниково-мореннымъ выносомъ въ устьѣ р. Кабахи и разрушительнымъ для полотна Военно-Грузинской дороги чрезмѣрнымъ поднятіемъ уровня воды въ Терекѣ. И меня тянуло скорѣе покинуть гостепріимный и уютный кровъ сторожки, чисто побѣленной и снабженной теперь всѣмъ необходимымъ (двѣнадцать желѣзныхъ кроватей съ проволочными сѣтками, вѣнскіе стулья, приличный умывальникъ и проч., размѣщенные въ трехъ комнатахъ, изъ которыхъ одна, законченная постройкой въ 1904 г., имѣетъ самостоятельный выходъ), и углубиться въ скалы Девдорака, подальше отъ шума людского, поближе къ нетронутымъ человѣкомъ величавымъ созданіямъ суровой кавказской природы.

Въ половинѣ десятаго всѣ сборы были кончены. Легко ступала нога по привычной тропѣ, ведущей среди роскошнаго ковра цвѣтовъ по старой моренѣ къ средней части глетчера. Пройдя послѣдній изъ пяти снѣжныхъ заваловъ, спускающихся съ сосѣднихъ небольшихъ боковыхъ ущелій по размытымъ въ моренной толщѣ ложамъ, у мыса (2500 метровъ), подступающаго къ свѣжей моренѣ правой вѣтви Девдорака, засѣвшей нѣсколько выше глубоко въ каменномъ мѣшкѣ, мы покинули изумрудную пелену и начали медленно пробираться среди нагроможденныхъ гигантскихъ валуновъ въ верховьяхъ средней части главной вѣтви Девдорака.

Величаво застывшей покоилась ледяная рѣка, изборожденная глубокими продольными трещинами и ледяными колодцами. Мѣстами черезъ зіявшую бездну *), со дна которой, едва доносился сдавленный рокотъ потока, сохранялся узкій ледяной мостъ, по которому

*) Опущенный какъ-то въ одну изъ такихъ трещинъ лотъ на глубину 58 саж. не достигъ все-таки дна.

приходилось осторожно ступать. Иногда по пути попадались пологіе склоны залѣченной старой трещины, слабо покрытые слоемъ влажнаго крупно-зернистаго съ примѣсью глины мореннаго песка, и нога теряла всякую устойчивость на такой замаскированной ледяной поверхности. Тамъ и сямъ, точно грибы, были разсѣяны ледниковые столы разныхъ размѣровъ и въ различныхъ стадіяхъ развитія, то съ гордо покоющимися на массивныхъ ледяныхъ подставкахъ каменными плитами, то съ безпомощно лежащими однимъ ребромъ на самой поверхности глетчера, тусклаго, бѣлаго свѣта, не скользской, не гладкой, а морщинистой, почти свободной здѣсь отъ сплошного покрова обломочнаго матеріала, подъ которымъ скрыта вся нижняя часть Девдорака. Многочисленные ледниковые стаканчики съ вертящимися на днѣ ихъ небольшими камешками, дѣлали путь очень легкимъ. Спустившись въ послѣдній разъ по довольно крутому боковому склону ледяного потока къ обрывающемуся подлѣ невысокому береговому валу (10 час. дня, 2575 метровъ) гигантской осыпи „Шалалъ", состоящей изъ обломковъ окрашенныхъ окислами желѣза глинистыхъ сланцевъ, среди которыхъ только мѣстами мелькаютъ одинокіе кустики травки и цвѣтовъ, и сливающейся съ лѣвобережной сильно срѣзанной старой мореной Девдарака, въ одиннадцать часовъ мы уже отдыхали на окаймляющемъ „Шалалъ" справа зеленѣющемъ отрогѣ, на коврѣ шелковистой травы, среди камнеломокъ, альпійскихъ незабудокъ, ромашекъ и колокольчиковъ, на высотѣ 2650 метровъ.

Немного правѣе у нашихъ ногъ беззаботно журчалъ ручеекъ по обломкамъ сланцевой осыпи, спускающейся сверху по дну оврага, раздѣляющаго два сосѣднихъ подступающихъ къ глетчеру зеленѣющихъ отрога Бартъ-Кортскаго хребта. Поднявшись по осыпи до высоты 2750 метровъ и зачерпнувъ здѣсь флягою въ послѣдній разъ свѣжей проточной воды, мы перешли на травянистые склоны второго гребня и, поднявшись еще на пятьдесятъ метровъ, въ 11 час. 30 мин. дня мы пріостановились немного, чтобы запастись подсохшей травой для нашихъ бандулей *), которыя предстояло мнѣ одѣть на слѣдующее утро.

Облака окружили шапку Казбека и медленно поползли по Бартъ-Кортскому хребту. Густыя тѣни легли на верхнюю часть Девдорака.

*) Бандули (осет. и груз.), арчи (ингуш.), чабыри (кабард.), — все это своеобразныя горскія туфли, легкія и дешевыя (съ туристовъ берутъ по одному рублю за пару), изготовляемыя туземцами изъ сыромятной кожи, причемъ подошвы ихъ сплетены изъ сыромятнаго же ремня, довольно узкаго. Лично я хожу по горамъ въ обыкновенныхъ штиблетахъ, даже не подбитыхъ гвоздями, и въ такой обуви пут-

Вдали на черномъ фонѣ правобережныхъ скалъ сверкалъ водопадъ. Остроребреная при наблюденіи снизу гряда, раздѣляющая вѣтви глетчера, оказывается срѣзанной по гребню двумя ступенчато расположенными на различной высотѣ небольшими, почти горизонтальными площадками, по разрушенной сланцевой поверхности которыхъ отъ прилегающихъ подтачивающихъ ледяныхъ массъ текли, извиваясь серебристыми змѣйками и искрясь на солнцѣ, небольшіе ручейки. Дорожка становилась все круче и круче; размѣры цвѣтовъ и ихъ разнообразіе все меньше и меньше; нѣкоторые виды исчезаютъ; кустики травки рѣдѣютъ; на часахъ половина перваго; мы у подножія скалъ, нависающихъ надъ зеленымъ покровомъ второго отрога; простираніе сланцевъ сѣверо-западное, уголъ паденія ихъ отъ 65° до 60° на сѣверо-востокъ.

Далеко внизу надъ рѣкой, то тамъ, то сямъ появлялись, словно клочья нѣжнаго пуха, обрывки тумана. Уносимые тепловыми воздушными теченіями, они подымались все выше и выше, соединялись по нѣскольку вмѣстѣ и, достигнувъ приблизительно той высоты, на которой покоится нижняя часть ледника, стремительно мчались туда, быстро взбѣгая по его изборожденной глубокими трещинами груди къ залитымъ лучами солнца фирновымъ полямъ Казбека, гдѣ они постепенно таяли или сливались съ прильнувшими къ вершинѣ облачками. И снова тогда все прояснялось надъ глубокимъ ущельемъ, чтобы черезъ нѣкоторое время опять заволокнуться легкой дымкой тумана. Присутствіе громадныхъ массъ льда въ верхней части узкаго ущелья вызывало сильное охлажденіе въ непосредственно прилегающей къ нимъ полосѣ воздушнаго слоя по сравненію съ другими частями того же слоя, разстилавшагося надъ нижними частями ущелья, и, повидимому, способствовало образованію чисто мѣстнаго холоднаго воздушнаго теченія отъ ледника въ сторону долины р. Кабахи, обусловливавшаго въ свою очередь притокъ болѣе нагрѣтаго воздуха къ этому тѣсному корридору, увлекавшій за собой и клочья тумана, какъ только они вступали въ сферу его распространенія. (Высота мѣста по анероиду 3000 метровъ; баром. давленіе=535 mm.;

шествовалъ въ прежніе годы по фирновымъ полямъ. Хотя, разумѣется, никакая обувь не гарантируетъ ногъ отъ абсолютной сухости, тѣмъ не менѣе существенное преимущество бандулей заключается въ томъ, что онѣ, сохраняя ногу въ теплѣ (между подошвой и чулкомъ, если таковой имѣется, кладется немного сухой травы), легко пропускаютъ воду обратно; кромѣ того, эта обувь не скользитъ, нога сохраняетъ въ ней гибкость и цѣпкость, благодаря чему ходить въ ней даже по очень крутымъ склонамъ, обнаженнымъ или покрытымъ травой, по снѣгу, фирну и льду—весьма легко и удобно.

t=+16,8° С. На Владикавказской метеорологической станціи, расположенной на высотѣ 681 метра, приблизительно въ это же самое время барометръ показывалъ 703,1 mm.; t=+25,8° С.)

Отдохнувъ здѣсь немного, мы спускаемся по правому склону и перебираемся по небольшой сланцевой осыпи на лѣвый, довольно крутой и слабо задерненный склонъ третьяго отрога, гдѣ виднѣются сложенныя проводниками въ прежніе годы изъ камней пирамидки, указывающія главнѣйшие этапы дальнѣйшаго пути. Продолжая итти по лѣвому склону, по тропинкѣ, прижатой къ скаламъ, въ часъ дня мы были на небольшой сѣдловинѣ, отдѣляющей скалы третьяго отрога отъ скалъ второго; въ этомъ мѣстѣ (3050 метровъ) гряда ихъ неожиданно прерывалась почти прямоугольной впадиной до сажени въ поперечникѣ и до двухъ въ вышину, напоминающей громадное окно, черезъ которое открывается видъ на лежащія за грядой верховья „Шалала" и убѣгающія вдаль, въ долину Кабахи, зеленѣющія гряды Цхоаръ-Кортскаго хребта, служащаго продолженіемъ Бартъ-Кортскаго.

Нѣсколько выше пришлось итти въ тѣсномъ коридорѣ по осыпи, чтобы обогнуть круто обрывающіяся скалы и выбраться на гребень третьяго отрога, покрытаго рѣдкими кустиками шелковистой травки. Было 1 ч. 40 м. дня; въ видимой картинѣ неба надъ нами особенныхъ перемѣнъ какъ будто и не произошло по сравненію съ тѣмъ, что было за часъ раньше; между тѣмъ температура понизилась до 13,1° С, въ то время какъ высота мѣста по анеронду здѣсь=3150 метр., а барометрическое давленіе=524 m.m., т. е. при разницѣ въ высотѣ противъ соотвѣтствующей остановки всего въ 150 метровъ, а въ барометрическомъ давленіи въ 11 m.m. температура понизилась въ продолженіи одного часа на 3,7 сотенныхъ градусовъ.

Въ дальнѣйшемъ пути лужаекъ, хотя бы самыхъ убогихъ, больше не предвидѣлось, если не считать отдѣльныхъ тощихъ кустиковъ травки и цвѣтовъ, и мы остановились на четверть часа отдохнуть, не присаживаясь, зная по опыту, какъ подобная роскошь при крутомъ подъемѣ скверно отражается на успѣшности послѣдующей ходьбы. Надъ военно-грузинской дорогой клубились свѣтлыя облака, отрѣзавъ, точно по шнурку, острые гребни Кистинскихъ хребтовъ, и только мѣстами проглядывали кусочки лазореваго неба. Казбекъ хмурился, и солнечный лучъ, прорѣзая порой слой скученныхъ облаковъ, шаловливо скользилъ по верховьямъ правой вѣтви Девдорака, оставляя въ тѣни двѣ другія. Огромныя глыбы нависающихъ фирновъ порой отрывались и съ шумомъ катились внизъ по поверхности ледника, прыгая бѣшенно съ уступа на уступъ.

Предстояла самая трудная часть пути: спуски по осыпямъ почти до лѣваго склона четвертаго отрога, сопряженные съ постоянной опасностью подбить сорвавшимся изъ-подъ ногъ камнемъ своего спутника, хоть немного отставшаго; прохожденія тѣсными коридорами, гдѣ мѣстами едва можно повернуться только одному человѣку; вскарабкиванія на торчащій утесъ, до котораго едва достаютъ руки. (Всѣхъ коридоровъ на третьемъ отрогѣ по пути три, при чемъ самый интересный второй, извивающійся, точно змѣя, среди тѣсно сжавшихъ его съ обѣихъ сторонъ отвѣсныхъ дикихъ скалъ, съ мелькающими кое-гдѣ у влажнаго основанія ихъ кустиками бѣленькихъ камнеломокъ до крошечныхъ розовыхъ цвѣточковъ изъ семейства губоцвѣтныхъ).

Въ два часа тридцать минутъ дня мы натолкнулись на пустую бутылку съ визитной карточкой Александра Богдановича Евангулова, поднимавшагося къ Ермоловской хижинѣ 12 августа 1904 г. во главѣ многолюдной экспедиціи, имѣвшей цѣлью попытаться выяснить условія возможности установки на вершинѣ Казбека метеорологической будки, подобно помѣщенной въ 1902 году г. Евангуловымъ на вершинѣ Большого Арарата; къ сожалѣнію, экспедиціи этой не удалось осуществить свою задачу, такъ какъ никто изъ ея членовъ на этотъ разъ не достигъ вершины горы. Высота мѣста по анеронду въ этомъ мѣстѣ 3300 метровъ; барометрическое давленіе 515 m.m.: t=+11,2° С. Черезъ полтора часа, медленно подвигаясь впередъ, вслѣдствіе начинавшей давать себя чувствовать усталости, въ лабиринтѣ отдѣльныхъ скалъ и осыпей, гдѣ находилъ себѣ пріютъ почти одинокій царь этихъ высотъ пепельно-бѣлаго цвѣта, ароматный, съ мясистыми листьями Primula nivalis, окутанные со всѣхъ сторонъ обычнымъ въ это время здѣсь туманомъ, мы были, наконецъ, у дверей Ермоловской хижины, расположенной на высотѣ около 3500 метровъ. Барометръ показывалъ 502 m.m.; t=+8,1° С. (На Владикавказской метеорологической станціи въ 9 час. вечера барометрическое давленіе было 702,6 m.m.; t=+18,2° С.). Такимъ образомъ весь приблизительно двадцативерстный путь отъ Гулетской сторожки до Бартъ-Корта, на вершинѣ котораго стоитъ хижина, мы прошли въ теченіе десяти съ половиною часовъ, включая сюда всѣ остановки съ полуторачасовымъ отдыхомъ въ Девдоракской караулкѣ, не снимая съ плечъ ни разу послѣ выхода изъ нея (9 ч. 30 м. утра) тяжелой ноши. Это буквально приводило въ восторгъ угрюмаго Лалая, увѣрявшаго меня съ гордостью, что такого перехода никто изъ мѣстныхъ туристовъ при подобныхъ условіяхъ еще не совершалъ.

Хижины просто нельзя было узнать, такъ измѣнилась она съ тѣхъ поръ, какъ я покинулъ ее въ послѣдній разъ 14-го августа

1904 г.*). Отъ желѣзной кровли сохранились только жалкіе слѣды въ видѣ пяти (изъ шестнадцати) уцѣлѣвшихъ желѣзныхъ листовъ, остальные давно были сорваны бурей и снесены вѣтромъ далеко внизъ, гдѣ мы по пути и встрѣтили три изъ нихъ сильно помятыхъ; весь потолокъ былъ заваленъ свѣже-выпавшимъ снѣгомъ, а полъ и деревянныя палати въ углу были залиты просачивающейся черезъ потолокъ талой водой; только вдоль восточной стѣны у двери оставалось сухая полоска земли, гдѣ мы и намѣтили себѣ уголокъ для ночлега.

Пока Лалай съ недовольнымъ ворчаніемъ распаковывалъ вещи подъ открытымъ небомъ и приготовлялъ все къ чаю, я прошелъ нѣсколько саженъ выше на вершину Бартъ-Корта, покрытую тонкимъ слоемъ снѣга, какъ и оба склона самого гребня, при чемъ линія не стаявшаго снѣга въ сторону Девдорака проходила приблизительно на высотѣ 3450 метровъ, тогда какъ на сѣверномъ склонѣ она почти спускалась до самаго Чачскаго ледника, покоющагося здѣсь на высотѣ около 3050 метровъ (нижній конецъ Чачскаго ледника лежитъ на высотѣ 2981 метра; Девдоракскаго—2296 метровъ). Надъ Чачскимъ и Девдоракскимъ ледниками клубилось море бѣлыхъ облаковъ; гребни хребтовъ, точно острова, чернѣли на этомъ воздушномъ океанѣ; заходящее солнце бросало свои прощальные лучи и озаряло фирновыя поля Казбека красноватымъ сіяніемъ, придавая всей картинѣ какой-то фантастическій колоритъ. Легкая дымка паровъ окутала насъ; сквозь нее довольно свободно проникали солнечные лучи, а вдали, на востокѣ, у Кистинскихъ высотъ, надъ военно-грузинской дорогой разомъ поднялся густой туманъ, выходившій какъ будто изъ облаковъ, и на этомъ воздушномъ экранѣ обри-

---

*) Вопросъ о постройкѣ Ермоловской хижины обсуждался въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ Русскаго Горнаго Общества въ Москвѣ весною 1903 г., въ іюнѣ того же года братья Безуртановы, которымъ было поручено сооруженіе ея Председателемъ Общества А. К. фонъ-Меккъ, начали доставку матеріала, въ іюлѣ закончили кладку, а 9 августа, въ день своего посѣщенія Бартъ-Корта А. К. фонъ-Меккъ поднялъ на постройкѣ флагъ Р. Г. О. и объявилъ Ермоловскую хижину открытой. Хижина построена въ третьей впадинѣ вправо отъ Первой Волчишки, если смотрѣть на Бартъ-Кортскій хребетъ съ Девдорака, на нѣсколько саженъ ниже водораздѣльной линіи, на Девдоракской сторонѣ Бартъ-Корта и видна въ хорошую подзорную трубу изъ Девдоракской сторожки. Она сооружена изъ камня, сложеннаго на извести, оштукатурена слегка внутри, покрыта желѣзной крышей и имѣетъ внутри размѣры: 4 арш. длины, 3 арш. ширины. Дверь и окно открываются на Девдоракъ. Въ сѣверо-западномъ углу сдѣланы деревянныя палати съ подвѣшенной надъ ними иконой св. пророка Ильи. Въ хижинѣ имѣется также керосиновая печь, впрочемъ не приспособленная для варки пищи. (См. „Ежегодникъ Р. Г. О.“ III, 1904).

совался надъ бездной мой силуэтъ исполинскихъ размѣровъ, окруженный тремя концентрическими радужными кольцами, *Брокэнское привидѣніе*, какъ слѣдствіе диффракціи*) свѣта на пузырькахъ сгущенныхъ водяныхъ паровъ и извѣстнаго оптическаго обмана, вызываемаго перспективой.

Пролагавшееся на туманѣ тѣневое изображеніе въ точности воспроизводило малѣйшія тѣлодвиженія; по мѣрѣ того, какъ солнце все болѣе и болѣе склонялось на западъ, призракъ подымался все выше; окружавшіе его радужные ореолы, представлявшіеся въ началѣ, вслѣдствіе извѣстнаго обмана зрѣнія, эллиптическими съ вытянутой вертикальной осью, принимали болѣе округлую форму; ихъ размѣры уменьшались; въ то же время цвѣта ихъ блѣднѣли и скрывались; самые призраки становились все болѣе и болѣе смутными и расплывчатыми, пока, наконецъ, когда солнце скрылось за сосѣднимъ снѣговымъ переваломъ, не исчезло совсѣмъ и все явленіе въ сильно разрѣженномъ туманѣ.

Вечерѣло. Заря догорала. Вслѣдствіе охлажденія атмосферы часть водяныхъ паровъ осѣла на скалистыхъ гребняхъ сосѣднихъ хребтовъ, и только нѣсколько ниже вершины Бартъ-Корта, у насъ подъ ногами, надъ Чачскимъ и Девдоракскимъ ущельями распростерлась ровною гладью пограничная сѣрая пелена тумана, точно успокоившаяся поверхность студеной влаги въ исполинскомъ каменномъ кубкѣ, рѣзные края котораго рельефно чернѣли своими причудливыми пиками. Снѣгъ, положенный въ чайникѣ, успѣлъ растаять на огнѣ спиртовой лампочки; вода закипѣла, чай настоялся и мы приступили къ подкрѣпленію своихъ силъ. Стемнѣло совсѣмъ. Одна за другой зажглись звѣзды въ небесной вышинѣ. Царица ночь распустила надъ засыпающей землей свой драгоцѣнный, усыпанный брилліантами покровъ. Изъ-за Кистинскаго хребта медленно выплывала полная луна. Мгновенье, и отъ прежней сплошной пелены, что закрывала все подъ нами, не осталось никакого слѣда: словно чья-то незримая могучая рука разомъ сорвала ее, и бездны открылись. Далеко въ глубинѣ, въ своихъ холодныхъ ложахъ покоились двѣ ледяныя рѣки, выставивъ впередъ свою могучую матово-бѣлую грудь. Чуть доносился шумъ извивающихся серебристыми змѣйками ледни-

---

*) Подъ именемъ диффракціи разумѣется совокупность измѣненій, испытываемыхъ свѣтовыми лучами, когда они должны скользить на поверхности различныхъ тѣлъ или проходить черезъ очень малыя отверстія. При такихъ условіяхъ свѣтъ не только отклоняется отъ прямолинейнаго распространенія, но въ то же время и разлагается, вслѣдствіе чего въ геометрической тѣни отъ предметовъ происходятъ замѣчательныя явленія, наблюдавшіяся въ первый разъ Гримальди и Ньютономъ.

ковыхъ потоковъ. Туманъ совершенно разсѣялся, и лишь кое-гдѣ за утесы внизу цѣплялись маленькія облачка, располагаясь на ночлегъ. Мелкія звѣзды все болѣе и болѣе ускользали отъ наблюденія; ихъ блескъ терялся въ лучахъ луны. Только въ сторонѣ Цхоаръ-Корта продолжала ярко сіять Большая Медвѣдица, точно направляясь по острымъ гребнямъ прямо къ Казбеку, надъ которымъ въ далекой синевѣ небесъ горѣло созвѣздіе Сѣверной Короны. Нѣсколько восточнѣе распростеръ свои крылья Орелъ, словно стараясь порадовать мощью своею взоры лучезарной красавицы Веги, сіявшей прямо надъ вашей головой. Надъ Второй Волгишкой (столбы лавы, выступающіе далеко впередъ надъ верховьями Девдорака посреди фирноваго поля) сверкалъ во всемъ своемъ величіи Арктуръ, а надъ ущельемъ Кабахи, на крылатомъ Пегасѣ неслась въ воздушномъ просторѣ Андромеда на встрѣчу царственной Кассіопеѣ... И подъ великолѣпнымъ балдахиномъ небосвода надъ льдами Девдорака уходилъ въ синѣющую даль величавый Казбекъ, точно державный вождь грозной рати въ бѣломъ шлемѣ съ клубящимися, какъ пернатый султанъ, облачками...

Плотно притворивъ дверь хижины, мы стали устраивать себѣ мѣсто для ночлега. Охапка уцѣлѣвшаго сухимъ прошлогодняго снѣга, вязанка свѣже-нарванной Лалаемъ травы подъ голову—вотъ вся постель; для защиты отъ холода—Лалаю моя бурка, а мнѣ мѣшокъ изъ непромокаемой матеріи, чего оказалось вполнѣ достаточнымъ при стоявшей въ хижинѣ температурѣ $+6{,}2^\circ$ С. Только порой оглушительный гулъ, далеко разносившійся эхомъ по сосѣднимъ ущельямъ, отъ трескавшихся въ глубинѣ и скатывавшихся по Девдораку лавинъ заставлялъ пріоткрывать на минуту глаза, чтобы потомъ еще поплотнѣй завернуться и отдаться вновь объятьямъ Морфея.

А между тѣмъ на дворѣ стояла дивная ночь, когда я вышелъ изъ хижины въ три часа утра набрать снѣга въ чайникъ для приготовленія въ дорогу горячаго кофе. Всѣ стекла были разрисованы узорами, хотя морозъ былъ сравнительно не большой: -3° С. На востокѣ, точно прямо на снѣжныхъ вѣнцахъ Шана, Шино и Куру сіяли „Три Волхва" созвѣздія Оріона; надъ ними въ вышинѣ на темно-синемъ небосводѣ ярко горѣлъ исполинъ Юпитеръ надъ мерцающими Плеядами, идя въ промежуткѣ между ними и Гіадами прямымъ движеніемъ къ созвѣздію Тельца; а надъ цѣпью убѣгающихъ къ Каспію известковыхъ горъ, среди которыхъ обрисовывалась украшающая Владикавказъ Столовая (Матъ-хохъ) сверкала несравненная богиня красоты Венера*), переливая поочередно цвѣтами: краснымъ,

*) Это была послѣдняя іюльская ночь 1905 г., и Венера уже покидала созвѣздіе Близнецовъ, чтобы прямымъ движеніемъ продолжать свой путь къ созвѣздію Рака.

оранжевымъ и зеленовато-голубымъ, словно кокетливо улыбаясь наступающему разсвѣту... Быть можетъ, эта игра цвѣтовъ обусловливалась преломленіемъ свѣтовыхъ лучей при прохожденіи ихъ черезъ ледяныя частицы почти неуловимыхъ снѣжныхъ перистыхъ облаковъ, плавающихъ очень далеко отъ земли въ самыхъ высокихъ воздушныхъ слояхъ. По крайней мѣрѣ, эта чудная игра цвѣтовъ, которую мнѣ довелось впервые наблюдать въ ночь съ 10 на 11 августа 1902 года, проведенную мною прямо на скалахъ Бартъ-Корта подъ открытымъ небомъ закутаннымъ въ бурку, исчезла съ первыми лучами зари, хотя планета продолжала ярко сіять.

Вода закипѣла. Я рѣшился нарушить покой сладко спавшаго послѣ трудового дня моего угрюмаго спутника и, выслушавъ его недовольное бурчаніе за столь позднее пробужденіе, вышелъ снова полюбоваться величественной панорамой горныхъ хребтовъ. Стали медленно меркнуть одна за другой частыя звѣзды. Засѣрѣло. Повѣяло прохладой. По снѣговой шапкѣ Казбека поползли змѣйками тѣни. Нѣжные тоны зари окрасили горизонтъ. Заигралъ на снѣгахъ первый лучъ сонца, одѣвая высокое чело великана какой-то блѣдно-розовой дымкой; все лицо его расплылось въ золотистую улыбку. Миріады брилліантовыхъ искръ вспыхнули на его сѣдыхъ кудряхъ; засверкалъ серебромъ богатырскій шлемъ. Багни (столбы лавы розовато-краснаго цвѣта, торчащіе изъ-подъ ледяного покрова надъ правыми береговыми гребнями Девдорака) покорно склонились главой въ утреннемъ привѣтствіи державному вождю. Внизу, въ своихъ каменныхъ ложахъ, продолжали еще покоиться мирнымъ сномъ Девдоракъ и Чачъ, не тревожимые пока лучами солнца, медленно выплывавшаго изъ-за Кистинскихъ хребтовъ. Чачъ въ верховьяхъ имѣетъ довольно крутое паденіе, но потомъ на большомъ протяженіи сплошь до самаго конца своего лишь самый незначительный уклонъ и разбитъ прекрасно выраженными вѣерообразно расходящимися трещинами, сопровождаемыми ясной краевой структурой въ его нижней части, обрамляемой полукруглымъ невысокимъ черепнымъ обломочно-сланцевымъ валомъ конечной морены, по которой причудливо извивается Чачъ, исчезающій вскорѣ въ тѣснинахъ подступающаго справа Санчъ-ам-Элига; а на гребнѣ его въ темной рамкѣ красиво вырисовывались два небольшихъ озерца (3180 м.) съ зеленоватымъ цвѣтомъ воды, посылая улыбки ясному синему небу. На далекомъ востокѣ падала живописными каскадами Кистинка, прокладая себѣ путь въ цѣломъ рядѣ нагорныхъ котловинъ, гдѣ ея теченіе разбивается на нѣсколько рукавовъ, пробивающихъ себѣ путь среди толщи наносовъ, мѣстами совершенно скрывающей воды ея. Изрѣдка доносился со стороны „зеленыхъ озеръ" пискъ горныхъ

индѣекъ. Откуда-то выскочила маленькая ласка, торопливо подобрала разсыпанныя крошки хлѣба, боязливо поводя по сторонамъ своей миловидной мордочкой, и скрылась въ сосѣднихъ скалахъ, оставляя на снѣгу слѣды своихъ миніатюрныхъ лапокъ...

Съ непривычки мнѣ стоило большого труда справиться съ горскою обувью; приходилось сначала разминать бандули, потомъ положить въ нихъ свѣжей травы и постепенно натягивать на пальцы, держа пятку отогнутой, и только послѣ этого, захвативъ еще клокъ травы, натянуть уже пятку и крѣпко зашнуровать ногу ремнями. Долгая процедура одѣванія бандулей отняла у меня, къ сожалѣнію, добрыхъ полчаса, и мы могли двинуться въ путь только въ половинѣ пятаго утра (по пет. вр.), когда солнце уже поднялось надъ хребтами. Только кое-гдѣ облака, оторвавшись отъ родной скалы—мѣста ночлега, медленно поднимались легкой дымкой вверхъ, постепенно тая подъ лучами солнца и расплываясь въ утреннемъ прозрачномъ воздухѣ.

Нога мягко ступала по склонамъ Бартъ-Корта, сложеннымъ изъ сланцевъ, прорѣзанныхъ кварцевыми и порфиритовыми жилами, мѣстами покрытымъ мерзлымъ слоемъ снѣга, спускавшагося далеко внизъ по правымъ склонамъ Чачскаго глетчера, тогда какъ лѣвые были свободны отъ него и чернѣли своими осыпями съ оазисами травянистыхъ лужаекъ, надъ которыми въ вышинѣ покоился небольшой клинообразной формы фирнъ-глетчеръ. Черезъ двадцать минутъ мы подошли къ острому гребню, гдѣ даже Лалаю пришлось на двѣ, три минуты превратиться во всадника, осѣдлавшаго каменнаго коня и спустившаго одну ногу въ сторону Девдорака надъ пропастью, а другую надъ Чачемъ, пройдя предварительно нѣсколько шаговъ на его правобережномъ флангѣ по такому узкому карнизу, гдѣ, кажется, впору упереться только носкомъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ взбѣгающихъ другъ за другомъ уступовъ, которыми довольно богатъ гребень Бартъ-Кортскаго хребта. Миновавъ одно за другимъ живописныя мѣста ночлега—М. П. Преображенской, зажатое между двухъ скалъ, изъ которыхъ верхняя служитъ великолѣпнымъ бельведеромъ (3750 метр.), и И. В. Кодратовича (3800 метр.), полузанесенное снѣгомъ и состоящее изъ невысокой, сложенной изъ сланцевыхъ плитъ и кусковъ лавы стѣнки, примыкающей дугою къ скаламъ,—мы быстро спустились по мерзлому гладкому снѣжному полю къ подножью Первой Волгишки, возвышающейся въ видѣ трехзубчатаго каменнаго шатра на поперечномъ сланцевомъ кряжѣ, поднимающемся надъ занесенной снѣгомъ сѣдловиной. Пришлось взбираться по довольно крутому склону, усыпанному острыми обломками сланцевъ, мѣстами чернѣвшими своими концами изъ-подъ бѣлой пелены

успѣвшей уже въ значительной степени утратить свою прочность и то и дѣло проваливавшейся подъ ногами, что очень затрудняло путь.

Въ 5 ч. 50 м. утра мы уже отдыхали на высотѣ 4020 метр. [барометрич. давленіе=466 mm., t=+4,3°C.: на Владикавказской метеорологической станціи приблизительно въ то-же время барометрическое давленіе было 701,1 mm., а t=+15,3°C], на замаскированной выступающимъ впередъ трезубцемъ Первой Волгишкѣ, широкой, засыпанной обломками казбекскихъ лавъ, площадкѣ. Рѣдко кому изъ нихъ удается скатиться сколько-нибудь далеко отсюда и нарушить присутствіемъ своимъ пуританскую чистоту обломочнаго матеріала Чачскаго ледника, происходящаго изъ береговыхъ сланцевыхъ кряжей его. Вверху, надъ нашими головами, плавно парили четыре орла, широко распустивъ свои могучія крылья съ свѣтло-сѣрымъ, почти бѣлымъ опереніемъ внутренней ихъ стороны, а внизу, подъ ногами у насъ, надъ котловиной Амилишки-Кабахи, колыхалась едва уловимая гладкая пелена прозрачнаго голубоватаго пара, граница которой нѣсколько замѣтнѣй обрисовывалась приблизительно на уровнѣ Цхоаръ-Корта (2979 метр.) у холодныхъ скалистыхъ восточныхъ твердынь, возвышающихся надъ полотномъ Военно-Грузинской дороги, синевато-голубою линіей. Ночевавшія на утесахъ ущелій облачка уже давно успѣли растаять, подхваченныя восходящими тепловыми теченіями. Атмосфера была чиста. Только вдали, надъ замкомъ царицы Тамары, появлялись мѣстами маленькіе полупрозрачные бѣлые хлопья; медленно плыли они на югъ вдоль полотна дороги, сливаясь порою другъ съ другомъ въ небольшія бѣлыя облачка; то, подойдя почти вплотную одинъ къ другому, словно задумывались на мгновенье, и разсѣивались такъ же легко, какъ и зарождались. Тамъ, въ расширенной части Дарьяла, у устья Кистинскаго ущелья, гдѣ пѣнится красавица-рѣка, бросающая свои кристальныя воды въ объятія мутныхъ волнъ Терека, все было залито теперь золотистыми лучами солнца, и обильныя испаренія, достигнувъ извѣстной высоты, постепенно сгущались, благодаря присутствію холодныхъ гранитныхъ массивовъ, въ легкія клочья тумана, подхватываемыя воздушными тепловыми теченіями.

Минутъ черезъ пятнадцать мы начали подъемъ по пологому, не превышающему 12° склону верхней террасы, пересѣкая его наискось въ юго-западномъ направленіи довольно успѣшно по сплошному твердому снѣговому покрову небольшими зигзагами. Черезъ сорокъ пять минутъ такой ходьбы мы достигли уровня Второй Волгишки (4220 метр.), представляющей изъ себя два торчащихъ надъ самымъ Девдоракомъ, нѣсколько наклоненныхъ къ юго-западу довольно высокихъ лавовыхъ столба сѣраго цвѣта, мѣстами на значительную

глубину и съ поверхности окрашенныхъ въ розовато-бурый и красновато-бурый цвѣта и отполированныхъ со стороны, обращенной на западъ къ фирновымъ полямъ Казбека, благодаря дѣйствію несомыхъ на нихъ оттуда вѣтромъ съ большою силою крупинокъ фирна (мои наблюденія 1902 г.). Небольшая сѣдловина отдѣляла ихъ отъ поднимающагося надъ ней на нѣкоторомъ протяженіи сравнительно круто восточнаго склона какъ бы второго террасообразнаго уступа, если горизонтъ сѣдловины принять за площадку перваго террасовиднаго уступа, по сѣверо-восточному склону котораго мы шли отъ Первой Волгишки. Немного юго-западнѣе Второй Волгишки, на границѣ площадки второго уступа съ его восточнымъ склономъ, высились двѣ лавовыхъ глыбы темно-сѣраго цвѣта съ тонкой поверхностной розоватой корой вывѣтриванія и замѣтными слѣдами призматической отдѣльности, параллельно восточной грани которой лава легко раскалывалась. На западъ отъ этой Третьей Волгишки довольно полого разстилалось широкое плато изъ крупныхъ лавовыхъ обломковъ, совершенно обнаженныхъ отъ снѣга, меньшіе по размѣрамъ собратья которыхъ устилали собой сѣдловину у Второй Волгишки и нѣсколько скошенное ребро восточнаго и сѣверо-восточнаго склоновъ вышеупомянутаго нами второго уступа, слегка запорошенные снѣгомъ. Оставивъ влѣво отъ себя и Вторую Волгишку, и тянущійся отъ нея вдоль борта области питанія Девдоракскаго ледника валъ лавовыхъ обломковъ, увѣнчанный скалами Третьей Волгишки, мы прошли, держась прежняго направленія, прямо къ широкому плато изъ крупныхъ лавовыхъ обломковъ, гдѣ и остановились для обычнаго пятнадцатиминутнаго отдыха на высотѣ 4300 метровъ въ 7 ч. 35 м. утра [барометрич. давленіе 452 mm.]. То остатки нѣкогда мощнаго лавоваго потока, спускавшагося на сѣверо-востокъ—востокъ отъ древняго кратера Казбека (самый древній на горѣ Бетлеми, противъ храма Цминда-Самеба и сел. Гергети).

Между тѣмъ надъ Военно-Грузинской дорогой успѣла уже повиснуть густая пелена кучевыхъ облаковъ; въ то время какъ ихъ нижняя поверхность оставалась совершенно плоской, почти горизонтальной на видъ, верхняя, напротивъ, отличалась большимъ разнообразіемъ своихъ очертаній; благодаря восходящимъ токамъ на ней образовался рядъ вздутій и углубленій, и все принимало видъ какого-то фантастическаго горнаго ландшафта, съ покрытыми снѣгомъ вершинами, изъ-подъ бѣлаго покрова котораго чернѣли мѣстами острыя скалы—пики Кистинскихъ высотъ, и живописными долинами съ ихъ весьма странными волшебными формами. Въ сердце невольно закрадывался нѣкоторый страхъ за погоду. Но солнце такъ ярко

свѣтило, а надъ головами у насъ разстилалась безпредѣльная ширь безоблачнаго голубого неба...

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ подымалась сѣверо-западная стѣнка древней громадной воронки кратера въ видѣ высокаго гребня свѣтло-сѣрыхъ глыбъ андезито-дацитовой лавы, безъ всякихъ слѣдовъ на нихъ какой-либо отдѣльности, трещиноватыхъ и постепенно обваливающихся къ снѣжнику Девдоракскаго глетчера, оставляя за собою глубокія борозды. Часто въ лѣтніе дни, когда сильнѣе пригрѣетъ солнышко, скрѣпленные морозомъ болѣе или менѣе мелкіе куски разрушающагося гребня, они бѣшено мчатся внизъ, оторвавшись отъ родимой скалы, торопливо обгоняютъ другъ друга, дѣлая головокружительные скачки, пока не зароются въ фирнъ, или, скользя по его поверхности, не ослабятъ своей начальной скорости и не остановятся въ раздумьи надъ самымъ краемъ обрывающагося къ Девдораку фирноваго поля. Опасно въ такія минуты проходить у подножья шаловливой скалы, и какъ-то жутко становится на душѣ при раскатахъ каменнаго хохота посреди ничѣмъ не возмущаемой торжественной тишины...

Слѣдуя закругленію воронки, уходящей дальше на западъ съ постепеннымъ заворотомъ на югъ и огибающей нынѣшній конусъ Казбека своимъ валомъ, скрытымъ подъ сугробами снѣга и обрывающимся на западъ надъ верховьями Санибанскаго и подходящаго къ нему живописнаго Джимаринскаго ледника, такъ напоминающаго знаменитый Алечскій глетчеръ въ Бернскомъ нагоріи,—дорожка наша незамѣтно стала подниматься въ гору. У нагрѣтыхъ солнцемъ скалъ зажурчали ручейки, промывая себѣ, порой до двухъ аршинъ глубиною, полуоткрытыя галлереи съ чудными сталактитами сосулекъ, спускающихся со сводовъ ихъ въ видѣ драгоцѣнной бахромы. Обыкновенно въ этомъ мѣстѣ ходъ ускоряютъ, чтобы скорѣе миновать капризный гребень, шаловливо швыряющій камни. Въ снѣжникѣ Девдорака можно было наблюдать какъ бы террасообразно-котловидныя, въ нѣсколько квадратныхъ сажень площадью, осѣданія угловатыхъ участковъ его на сажень или болѣе противъ уровня остальной поверхности, между прочимъ сопровождаемыя при своемъ образованіи тѣмъ оглушительнымъ гуломъ, который нарушаетъ порою ночной покой окрестныхъ горныхъ ущелій.

Въ 8 ч. 20 м. утра мы достигли уровня 4350 метровъ, на которомъ, приблизительно, возвышаются верхнія участки упомянутаго гребня, постепенно затѣмъ теряющагося въ общемъ снѣжномъ покровѣ. Тутъ мы круто повернули на югъ, продолжая путь, проваливаясь на четверть въ оттаявшемъ фирнѣ, по обширнымъ фирновымъ полямъ Казбека, занимающимъ въ общемъ до четырнадцати квад-

ратныхъ киломеровъ .ли имѣющимъ здѣсь едва замѣтный уклонъ на протяженіи полутора часа ходьбы. По пути пришлось пересѣкать засыпанную снѣгомъ, но ясно выраженную, до двухъ сажень шириной, трещину (ихъ можно было насчитать нѣсколько, расположенныхъ концентрически съ извѣстными интервалами), линія прогиба которой, съ раструбомъ къ Девдораку, слѣдуетъ направленію рѣзко очерченныхъ контуровъ вала вышеуказаннаго нами кратера; только у нихъ замѣчается нѣсколько болѣе крутой поворотъ на юго-востокъ, благодаря вдающейся подошвѣ нынѣшняго конуса Казбека, представленной не особенно широкой террасой надъ фирновыми полями верховьевъ области питанія Девдорака на высотѣ 4700 метровъ, по моему анероиду [барометр. давл.=433 mm.; t = +5°C]. Вдали показались высшія точки небольшихъ острореберныхъ сланцевыхъ скалъ, чернѣющихъ къ сѣверо-западу (простираніе N—около 9 h—W) отъ указаннаго нами снѣгового вала. Это выступающія изъ-подъ снѣжнаго покрова пониженныя оконечности Чачъ-Кортовскаго хребта, служащія какъ бы пограничнымъ столбомъ на фирновыхъ поляхъ Санибанскаго, Девдоракскаго и Чачскаго глетчеровъ.

Въ 12 час. дня мы достигли слѣдующей террасы на уровнѣ 4800 метровъ, довольно круто спускающейся къ предыдущей; дальше ясно выраженныхъ террасъ нельзя было разсмотрѣть вплоть до самой сѣдловины общаго конуса Казбека; предстоялъ еще болѣе крутой подъемъ, чѣмъ пройденные нами передъ тѣмъ въ области фирновыхъ полей; здѣсь мы прикрѣпили къ своей обуви „кошки" самаго незатѣйливаго устройства: двѣ небольшихъ желѣзныхъ перекрещивающихся пластинки съ четырьмя острыми отогнутыми книзу шипами.

Вѣтеръ свѣжѣлъ. Надъ Военно-Грузинской дорогой волновалось буквально море мутновато-бѣлыхъ облаковъ, какъ бы сливавшихся съ сѣдинами шапки Казбека, а на поверхности этого моря, точно затерявшіеся среди его простора острова, торчали пики Кистинскихъ хребтовъ. Конусъ Казбека былъ пока чистъ; только легкое облачко прильнуло къ нему съ сѣверо-востока. Въ синеву небесъ уходили своими сверкающими на солнцѣ снѣговыми вершинами, убѣгая подъ вашими ногами въ подернутую прозрачной дымкою даль, Джимарай-хохъ, Сырху Барзонъ, живописная группа Тепли съ рядомъ другихъ колоссовъ Осетіи, надъ которыми на далекомъ сѣверозападѣ обрисовывалась въ видѣ гигантской тупо-округлой сахарной головы восточная вершина Эльбруса. А вдали, за рядомъ переплетающихся горныхъ кряжей, глубокихъ ущелій, продольныхъ долинъ, съ покорностью льнущихъ къ своимъ старшимъ, изборожденнымъ глубокими морщинами собратіямъ, со всѣхъ сторонъ, куда только хваталъ глазъ, разстилалась обширная Владикавказская равнина

съ обрамляющими ее, точно кучки муравейниковъ, холмистыми грядами, сливающимися въ одну неясную линію, теряющуюся на горизонтѣ.

Облака все выше и выше наползали съ сѣверо-восточной стороны на конусъ Казбека. Нагромождаясь одно на другое, со своими рѣзко очерченными краями, красиво вырисовывавшимися бѣлыми кривыми линіями на ясной лазури небесъ, они съ поразительной легкостью мѣняли свои очертанія и претерпѣвали самыя причудливыя превращенія, въ которыхъ отчасти можно было усмотрѣть все, что угодно: исполинскихъ людей и животныхъ, сказочныхъ чудовищъ, невиданныя деревья и горы. Вотъ имъ удалось обогнуть конусъ съ юга, и они со страшною силою устремились съ юго-запада на сѣворо-востокъ. Понеслись тучи мелкихъ фирновыхъ крупинокъ; небо заволакивалось все больше и больше облаками, сгущавшимися въ тучи и утрачивавшими постепенно ясность своихъ контуровъ; подулъ порывистый вѣтеръ съ сѣверо-востока; въ воздухѣ происходила какая-то дикая схватка несущихся на встрѣчу другъ другу потоковъ облаковъ; температура быстро падала; порою солнце совершенно скрывалось; приходилось подвигаться впередъ съ большимъ трудомъ, такъ какъ отъ сильнаго вѣтра спирало дыханье въ груди, пользуясь моментами, когда получалъ господство одинъ изъ потоковъ облаковъ, ясно обозначавшихся въ своемъ стремительномъ теченіи, если солнцу удавалось въ это время проглянуть сквозь наиболѣе разрѣженные слои ихъ.

Черезъ двадцать минутъ ходьбы, окутанные облаками, мы подошли къ зіяющей трещинѣ на конусѣ, уходящей куда-то далеко, далеко въ глубину. Ея ширина на поверхности не превышала полутора—двухъ аршинъ; но края каждую минуту могли обвалиться и увлечь за собою въ пасть чудовища смѣльчака, рискнувшаго прыгнуть въ этомъ мѣстѣ. Нѣсколько восточнѣе черезъ неё висѣлъ природный мостъ изъ набившагося фирна сажени въ четыре шириной; однако, нельзя было упускать изъ виду, что съ той и другой стороны онъ на значительномъ протяженіи имѣлъ небольшую толщу, и пришлось не одинъ разъ внимательно заглянуть подъ него въ бездну, прежде чѣмъ рѣшиться окончательно намѣтить линію перехода. Наконецъ, осторожно ощупывая альпенштокомъ каждый свой шагъ, мы прошли опасное мѣсто и направились наискось къ востоку къ торчащимъ изъ-подъ снѣга невысокимъ скаламъ, оставляя въ сторонѣ прямой путь на сѣдловину, съ которой предстоялъ бы очень крутой подъемъ на восточный, главный конусъ раздвоенной вершины Казбека.

Не успѣли мы, однако, пройти впередъ и десяти минутъ пути, какъ все на мгновенье скрылось предъ нашими глазами въ страшномъ порывѣ урагана. Все смѣшалось кругомъ въ какой-то необузданной оргіи разыгравшейся снѣжной бури, и нельзя было уже разобрать, падалъ ли этотъ буквально залѣплявшій вамъ глаза, набивавшійся въ ротъ и носъ снѣгъ сверху, или только, поднятый съ поверхности фирновыхъ полей, онъ страшнымъ ураганомъ несся въ пространство.

Пришлось остановиться, закутавшись въ башлыкъ и, насколько возможно, поворачиваясь спиной къ вѣтру. Отъ напряженія колѣни начинали сильно дрожать; отъ стужи стучали зубы. Лалай уже давно присѣлъ на склонѣ; я минутъ двадцать простоялъ лицомъ къ конусу, но потомъ опустился тоже на снѣгъ, опершись головой на руки и съ трудомъ борясь съ дремотой. Вначалѣ мой спутникъ вставлялъ время отъ времени замѣчанія о стужѣ; но потомъ его голосъ смолкъ. Оглянувшись случайно назадъ, я увидѣлъ, что онъ прикурнулъ уже на снѣгу и глубоко задремалъ. Часовая стрѣлка подходила къ двумъ. Оказалось, что мы пережидали бурю на одномъ мѣстѣ вотъ уже сорокъ минутъ. Дольше оставаться въ такомъ положеніи было не возможно. Я началъ будить Лалая; онъ, наконецъ, встрепенулся, поднялся на ноги, посмотрѣлъ вначалѣ на меня какимъ-то тупымъ взглядомъ, а потомъ, точно сообразивъ, въ чемъ дѣло, сталъ усиленно просить меня повернуть назадъ. „Все равно", говорилъ онъ, „теперь картинки снимать нельзя (на мнѣ былъ фотографическій аппаратъ). Мы все сдѣлали, что можно. Никто не пойдетъ дальше въ такую погоду. Зачѣмъ хочешь, чтобы два человѣка погибли? Видишь, какъ мы дрожимъ, совсѣмъ замерзаемъ".

Молча я слушалъ доводы угрюмаго горца, а вьюга все еще завывала, точно вторила его невеселымъ словамъ. Мигомъ пронеслась у меня въ головѣ мысль, что вотъ уже въ третій разъ я долженъ остановиться все на тѣхъ же безстрастныхъ и холодныхъ фирновыхъ поляхъ и повернуть назадъ, когда, казалось, цѣль была почти совсѣмъ достигнута. Въ первый и во второй разъ (1902 г. съ М. П. Преображенской, г. Касперовичемъ и Исакомъ Безуртановымъ 10-го августа 1904 г., съ экспедиціей А. Б. Евангулова 13-го августа) я вынужденъ былъ подчиниться желанію другихъ компаньоновъ. Но теперь я былъ одинъ. Я не чувствовалъ ни головокруженія, ни тошноты, быть можетъ, благодаря заблаговременно выпитымъ на мѣстахъ отдыха рюмкамъ крѣпкаго кофе съ валерьяновыми каплями; сухость во рту устранялась сосаньемъ мелкихъ кусочковъ обыкновеннаго сахару. Я шелъ съ молоткомъ въ рукахъ и твердой рѣшимостью

преодолѣть гнѣвъ великаго старца и вызвать улыбку на его морщинистомъ челѣ. И вдругъ теперь... снова отступать! Отступать... и горькая усмѣшка пробѣжала по моему лицу, даже обидѣвшая Лалая. Вернуться... Но этотъ великій завѣтъ Уріэля-Акосты:

„Тотъ, въ комъ есть энергія и воля, побѣждаетъ преграды всѣ и покоряетъ міръ!..."

Иль это только далекая, несбыточная мечта, мимолетный порывъ поэтической натуры... Такъ ли... Вѣдь энергія еще не истощена; значитъ, нужно только нѣкоторое усиліе воли... Такъ значитъ... И когда Лалай уже сдѣлалъ было шага три назадъ, я, постаравшись придать своему голосу какъ можно больше твердости, громко крикнулъ: „нѣтъ, впередъ!" Да, мнѣ казалось, что это должно было бы выйти необыкновенно громко. Но здѣсь, въ этихъ ледяныхъ пустыняхъ, куда не достигаетъ почти ни одного земного звука, если не считать отрывистаго крика изрѣдка проносящейся альпійской галки; здѣсь, гдѣ торжественное безмолвіе нарушается только отдаленными раскатами грома, воемъ бури, да стонами трескающихся массъ льда; здѣсь, среди сильно разрѣженныхъ воздушныхъ пространствъ, мой голосъ показался такимъ слабымъ, какъ будто это не самъ я, а кто-то другой, стоящій далеко отъ меня, произносилъ мои слова. Такъ замираетъ звонъ колокольчика подъ колпакомъ воздушнаго насоса по мѣрѣ выкачиванья воздуха изъ-подъ него, хотя молоточекъ продолжаетъ съ прежнею силою колотить въ металическія стѣнки оправы; такъ угасаютъ послѣдніе проблески жизни въ глазахъ вольной пташки, засаженной въ клѣтку и задыхающейся въ желѣзныхъ тискахъ своей ненавистной неволи... Къ моему немалому удивленію, Лалай въ отвѣтъ только спросилъ: „Куда?"—На скалы!—вотъ все, что могъ я произнести на этотъ разъ уже дѣйствительно упавшимъ голосомъ, неопредѣленно указывая свободной отъ перчатки рукой въ непроглядную туманную даль...

Вскорѣ мы были на скалахъ, слегка обледенѣлыхъ, на высотѣ 4925 метровъ, круто обрывающихся къ Арчъ-Кортскому хребту и нѣсколько ниже обнаженныхъ въ видѣ серповиднаго гребешка на сѣверо-восточномъ даже скорѣе на восточномъ склонѣ вершиннаго конуса Казбека, и только туманъ мѣшалъ намъ ясно видѣть, надъ какой страшной стремниной мы медленно продвигались впередъ. Темные очки-консервы, предохраняющіе глаза отъ болѣзненно дѣйствующаго на нихъ ослѣпительнаго блеска переливающихъ на солнцѣ бриліантами фирновыхъ крупинокъ, пришлось снять, такъ какъ и безъ того можно было только съ большимъ трудомъ разсмотрѣть что-нибудь передъ собой. Пройдя скалы, мы все чаще и чаще на крутыхъ склонахъ (отвѣсъ показывалъ около 40°) конуса

стали натыкаться на слегка только прикрытый сухимъ снѣгомъ чистый синевато-голубоватый ледъ. Въ три четверти третьяго намъ удалось добраться къ послѣднему обнаженію скалъ, являющихся, несомнѣнно, продолженіемъ предыдущихъ; крайніе выходы ихъ отмѣчены мною на высотѣ 5000 метровъ. Лалай не переставалъ жаловаться на сильную головную боль и порой останавливался, схватившись за голову обѣими руками. Стучало въ вискахъ и у меня; желаніе основательно отдохнуть было просто непреоборимымъ; больше пятнадцати—двадцати шаговъ ступить было очень затруднительно; но мы дѣлали только минутныя остановки, чтобы немного перевести духъ, не присаживаясь, однако, а только опираясь на палку. Между тѣмъ, благодаря недостаточно длиннымъ зубцамъ, мои кошки не всегда могли справиться здѣсь съ крутизной ледяного покрова, и въ такихъ случаяхъ мнѣ приходилось передавать Лалаю веревку, чтобы онъ въ наиболѣе трудныхъ мѣстахъ, останавливаясь, давалъ мнѣ возможность ступить два—три шага подъема. Но вотъ какъ будто стало свѣтлѣе вокругъ; снѣгъ пересталъ итти, вѣтеръ немного утихъ; облака порѣдѣли; сквозь тонкую пелену ихъ проглянуло на мгновеніе солнце... Солнце!—такое чувство, вѣроятно, охватываетъ мореплавателя, когда, послѣ долгаго странствованія по волнамъ разбушевавшагося моря, онъ въ порѣдѣвшемъ туманѣ завидитъ близкія очертанія берега.

Этого мгновенія было достаточно для того, чтобы разсмотрѣть подлѣ себя пологое ребро; нѣсколько дальше оно отклонялось немного вправо; его задняя часть какъ-то сразу стала понижаться къ западу. „Лалай, да вѣдь это вершина!"—Да!—слабо проговорилъ онъ, и черезъ нѣсколько минутъ, обезсиленный, опустился на поворотѣ хребта, предоставивъ мнѣ ступить ногой на самую верхнюю точку Казбека...

Было ровно 3 часа 30 минутъ пополудни, по Петербургскому времени [высота мѣста по анероиду около 5050 метровъ; барометрическое давленіе=419 mm.; t=—1,9°C,—это 31-го іюля, когда температура на всемъ Кавказѣ достигаетъ приблизительно наибольшаго повышенія]. Я съ какимъ-то невольнымъ благоговѣніемъ снялъ фуражку и нѣсколько мгновеній стоялъ, не шевелясь, устремивъ взоръ въ пространство. Мнѣ невольно пришло на память двустишіе С. Маковскаго:

„О, будь царемъ вершинъ, и холоденъ, и нѣмъ,
Какъ горніе снѣга, какъ звѣздныя мерцанья!..."

и грудь наполнило чувство какого-то неизъяснимаго удовлетворенія, довольства, полнѣйшаго спокойствія и тихой внутренней радости отъ сознанія своего исключительнаго положенія среди этого холоднаго сумрака воздушныхъ высотъ, гдѣ уже нѣтъ человѣка, нарушающаго ради своихъ потребностей и прихотей первоначальный строй вещей, и естественные законы природы являются предъ нами во всемъ своемъ величіи и полнотѣ.

Изъ-за облаковъ чаще и чаще стало поглядывать на нѣсколько мгновеній солнышко, чѣмъ я воспользовался, чтобы снять хотя Лалая съ нашими вещами на вершинѣ, такъ какъ о фотографированіи окрестностей при такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи. Солнечные лучи, прорвавшись черезъ туманную пелену, мягко скользили по снѣжнымъ полянамъ и серебрили чело стараго Казбека, точно онъ хотѣлъ теперь привѣтливо улыбнуться мнѣ, испытавъ мою неудержимую привязанность къ нему и оставшись доволенъ тѣмъ, что черезъ горнило тяжелаго искуса я принесъ на его грудь нерушимымъ священный девизъ жизни:

„Кто смѣлъ, тому весь Божій міръ открытъ,
И будущность ему принадлежитъ!..."

По послѣднимъ даннымъ Закавказской тріагуляціи, высшая точка Казбека достигаетъ 5043 метровъ на пересѣченіи параллели 42°41'56" с. ш. съ меридіаномъ 62°10'56" в. д. Вершина Казбека представляетъ собою остатки кратера потухшаго вулкана, выступающіе на сѣверъ въ видѣ нѣсколько выпуклаго, какъ-бы сѣдловидно раздвоеннаго хребта, увѣнчивающаго тотъ исполинскій конусъ, который высится на террасовидно расположенныхъ фирновыхъ поляхъ, питающихъ, между прочимъ, Девдоракскій, Чачскій и Санибанскій ледники. Этотъ вершинный хребетъ есть ничто иное, какъ болѣе высокія сѣверныя, частью сѣверо-восточныя и сѣверо-западныя стѣнки воронки, недостающія части которой, какъ и самая внутренность воронки, были скрыты отъ меня клубящимися подъ ногами облаками. Насколько позволяла мнѣ разсмотрѣть окружавшая мгла, лишь изрѣдка немного прояснявшаяся, западныя стѣнки воронки оказываются довольно острымъ гребнемъ съ чуть проступающими мѣстами обнаженіями лавовыхъ скалъ на внутреннемъ склонѣ воронки; онъ переходитъ въ ледяной коническій зубецъ второй, меньшей по высотѣ вершины Казбека, которая въ сѣверо-западномъ углу воронки примыкаетъ къ сѣверо-восточному гребню, служащему раздѣляющей сѣдловиной между вершинами и въ свою очередь переходящему въ восточный, возвышающійся надъ сѣдловиной своей довольно широкой шапкообразной верхушкой, увѣнчанной слегка выпуклой площадкой въ двѣ—три квадратныхъ сажени, за предѣлами которыхъ болѣе или мѣнѣе рѣзко обозначается уже верхняя пограничная линія склоновъ. Въ области сѣдловины, въ ея верхней части, нѣсколько южнѣе главной профильной линіи, очертанія вершинныхъ хребтовъ сливаются въ одну общую

дугу, острую по всей длинѣ своей, и на протяженіи двухъ—трехъ десятковъ шаговъ не имѣютъ никакого почти паденія, вѣроятно, благодаря происшедшему нѣкогда провалу воронки кратера со стороны, обращенной на югъ. Сравнительно пологіе юго-восточные склоны вершинной шапки переходятъ въ плечо, одно изъ реберъ котораго прежде всего обрисовалось передъ нашими глазами при подъемѣ на вершину; оно заканчивается болѣе или менѣе ровной площадкой, круто обваливающейся къ станціи Казбекъ, откуда ее принимаютъ обыкновенно за истинную вершину Казбека. Пониже площадки, на обрывистыхъ склонахъ воронки, обрисовывался запорошенный свѣжимъ снѣгомъ гребень лавовыхъ скалъ, а на самомъ борту площадки, немного правѣе его, если смотрѣть съ вершины въ воронку, возвышается какъ бы отдѣлившаяся отъ него скала андезитовой, нѣсколько пористой, пропитанной съ поверхности сыростью и изъѣденно ноздреватой лавы, гдѣ на одномъ небольшомъ полочкообразномъ выступѣ, по словамъ М. П. Преображенской, былъ положенъ ею минимальный термометръ, присланный отъ Императорскаго Русскаго Географическаго общества. Насколько мнѣ извѣстно, по наблюденію г. Демокидова, восходившаго на вершину Казбека 26-го августа 1902 г., черезъ четырнадцать дней послѣ г. Преображенской, этотъ термометръ показывалъ $-23°$С. Очень возможно, что всецѣло занятый мыслью о съемкахъ, измѣреніяхъ, добычей образцовъ породъ и необходимостью торопиться, подъ вліяніемъ, наконецъ, массы новыхъ впечатлѣній, пережитыхъ за день ощущеній и по причинѣ мглы, я попросту не замѣтилъ его. А между тѣмъ Лалай едва двигался, и приходилось поскорѣе сдѣлать и набросать въ записную книжку самое необходимое и приступить къ лѣченію своего спутника; къ счастью, двадцать валерьяновыхъ капелъ съ кофе и смоченный ими же сахаръ оказали на его самочувствіе довольно хорошее дѣйствіе, но онъ такъ сталъ торопить меня, что я въ попыхахъ не умѣлъ даже привинтить рюмку къ фляжкѣ, за что при спускѣ и поплатился потерей ея.

Было ровно четыре часа вечера, когда мы начали спускаться съ вершины, царящей надъ окрестными хребтами и искони возбуждавшей чувства благоговѣйнаго трепета въ наивныхъ душахъ туземныхъ обитателей, связавшихъ съ именемъ Казбека не мало поэтическихъ легендъ, восходящихъ къ самой сѣдой старинѣ. Онъ хранитъ на вершинѣ своей шатеръ Авраама и золотую колыбель Христа съ бѣлоснѣжнымъ голубемъ у изголовья; тамъ росло подъ охраной Дракона чудодѣйственное растеніе, изъ котораго знаменитая Медея, дочь царя пламенной Колхиды, приготовляла свой волшебный напитокъ, возвращавшій старцамъ юность, отголоскомъ чего, быть мо-

жетъ, является сохранившаяся до нашихъ дней глубокая вѣра въ цѣлебную силу всего, что беретъ начало съ заоблачныхъ вершинъ Казбека и сосѣднихъ съ нимъ великановъ; въ его скалистыхъ трущобахъ витаютъ злыя дивы и богиня метелей и бурь грозная Мягкиненъ.

Нѣтъ нужды, что все это оставалось незримымъ для меня; нѣтъ нужды, что едва ли, конечно, когда-либо вообще оно было. Но тотъ, кто видѣлъ своими глазами, какъ въ ранній утренній часъ, когда все еще кругомъ покоится въ тѣни, снѣговая шапка Казбека то принимаетъ какой-то изумительно нѣжный розоватый колоритъ, то почти неуловимо для взора одѣвается въ золотистый пурпуръ и сверкаетъ миріадами брилліантовыхъ искръ, точно царственный старецъ посылаетъ ласковый привѣтъ восходящему солнцу и добродушно улыбается, окидывая взоромъ погруженныя въ сладкую дремоту окрестныя ущелья, то снова принимаетъ свой обычный матово-бѣлый цвѣтъ, словно сѣдовласый великанъ хочетъ придать своему выраженію спокойно-величавый строгій видъ; тотъ, кому приходилось на покрытой ледянымъ саваномъ могучей груди Казбека послушать среди облаковъ и тумановъ дикій вой снѣжной бури и полюбоваться на ея безумную пляску; тотъ, кому хоть разъ въ жизни довелось испытать на себѣ, какъ, достигнувъ завѣтныхъ заоблачныхъ странъ, купающихся въ небесной лазури, гдѣ душа человѣка свободно паритъ надъ всѣмъ міромъ, самъ онъ, еще за нѣсколько мгновеній передъ тѣмъ весь разбитый, въ конецъ изнемогающій, задыхающійся среди крайне разрѣженнаго воздуха, вдругъ, точно по мановенію волшебнаго жезла, становится бодрымъ, жизнерадостнымъ, подвижнымъ, позабывъ совершенно про холодъ, голодъ, усталость, и какъ бы освобожденный отъ всякихъ физическихъ ощущеній, составляющихъ столь обычный источникъ непріятностей и страданій, просвѣтленный восторженнымъ созерцаніемъ этихъ каменныхъ громадъ, воздвигнутыхъ царственной природой между странами и народами и совершающихъ среди окружающей ихъ невозмутимой тишины и вѣковой неподвижности ввѣренное имъ великое дѣло распредѣленія чудодѣйственнаго эликсира—живительной влаги по всему лицу земли,—о, тотъ долженъ будетъ отдать всю дань справедливсти младенцу—народу, этому незримому, безыменному, простодушному творцу чарующихъ своей эпической красотой легендъ, который едва ли могъ отыскать въ сокровищницѣ своего наивнаго ума болѣе яркіе образы для воплощенія въ нихъ всего величія истинной дѣйствительности, полной для него неизъяснимой прелести и загадочной таинственности!...

Солнце дарило насъ порою своимъ, хотя и мимолетнымъ сіяніемъ, чѣмъ мы всячески старались пользоваться, чтобы оріентироваться въ пути при кратковременномъ проясненіи тумана, за которымъ вдали виднѣлось чистое голубое небо болѣе низкихъ высотъ *). Но снова сгущался туманъ, и мы опять шли точно впотьмахъ, то и дѣло совершенно теряя изъ виду другъ друга. Усталость и сильное напряженіе теперь давали замѣтно чувствовать себя, и Лалай начиналъ уже ворчать на меня, недовольный моимъ медленнымъ шагомъ. Конусъ пройденъ; обледенѣлыя скалы, повисшія надъ страшными безднами, зіяющая пасть огромной трещины, вереницы неподдающихся описанію сложныхъ ощущеній то смутной тревоги, то какого-то невыразимаго спокойствія, то жгучей боли, то безграничнаго восторга и удовлетворенія,—остались гдѣ-то далеко позади. Окружающая мгла не дозволяла замѣтить заката солнца; ослѣпительный блескъ бѣлоснѣжнаго покрова обширныхъ фирновыхъ полей въ значительной степени смягчалъ густоту сумеречнаго мрака. Сквозь волнистые туманы на смѣну закатившагося солнца сталъ показываться тусклый дискъ луны, неожиданное появленіе которой въ одномъ мѣстѣ вовремя спасло насъ отъ неминуемой опасности свалиться въ новообразовавшійся за день провалъ въ пограничной полосѣ фирноваго поля Девдорака. Приходилось самимъ то и дѣло погружаться по поясъ въ оттаявшую толщу фирна и съ трудомъ вытаскивать отяжелѣвшія ноги, порой буквально отказывавшіяся служить. Наконецъ, мы добрались до капризнаго гребня второго кратера Казбека, шаловливо швыряющаго внизъ куски своихъ разрушающихся скалъ. Скитанье по обширнымъ фирновымъ полямъ Казбека можно было считать оконченнымъ; опасность заблудиться среди окружающей мглы миновала; нужно было только торопиться пройти опасное мѣсто, такъ какъ лишенные опоры и ничѣмъ не сдерживаемые обтаявшие за день камни катились шумною грудою внизъ, пересѣкая нашъ путь и описывая порою, оттолкнувшись отъ встрѣчной скалы,

*) Какъ извѣстно, всѣ цвѣта окраски атмосферы просто объясняются измѣненіемъ способности атмосфернаго воздуха разсѣивать, пропускать и отражать разнообразныя въ смыслѣ длины свѣтовыя волны, въ зависимости отъ состоянія воздуха. Въ чистой и прозрачной атмосферѣ молекулы воздуха разсѣиваютъ и отражаютъ преимущественно свѣтовые лучи съ короткими волнами (фіолетовые, синіе, голубые), а поглощаютъ преимущественно лучи, обладающіе наибольшей длиной волны (красные, оранжевые, желтые). Вотъ почему съ возрастаніемъ высоты надъ уровнемъ моря и съ увеличеніемъ сухости воздуха голубой цвѣтъ неба пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе интенсивную синеву, а въ высокихъ областяхъ атмосферы небо представляется, при прозрачномъ воздухѣ, почти черно-синимъ, вслѣдствіе смѣшенія синяго цвѣта воздуха съ черным фономъ Вселенной.

такія кривыя въ воздухѣ, что приходилось ежеминутно безпокоиться за цѣлость собственной головы. Къ счастью, туманъ успѣлъ уже достаточно разсѣяться, и только конусъ Казбека былъ окутанъ густой пеленой не перестававшихъ клубиться облаковъ.

Мы прибавили шагу и вскорѣ находились уже въ полной безопасности на усѣянной лавовыми обломками ровной фирновой площадкѣ, по которой, причудливо извиваясь и теряясь межъ камней, тихо журчали небольшіе ручейки, не успѣвшие еще замерзнуть, прозрачной и неотразимо манящей къ своимъ ледянымъ серебристымъ струямъ воды. Немного поодаль, на снѣжной поверхности чернѣла одиноко перчатка, забытая мною на мѣстѣ нашего утренняго привала; она была совершенно суха и ничуть не заметена снѣгомъ, какъ и наши слѣды, убѣгавшие вдаль узкой змѣйкой по направленію къ Волгишкѣ. Повидимому, этотъ своеобразный „поясъ тишины", на высотѣ 4400—4100 метровъ, на этотъ разъ, по крайней мѣрѣ, не былъ захваченъ такъ сердито бушевавшей наверху бурей, и раскаты грома, доносившіеся до насъ на склоны конуса, порождались, очевидно, тучами болѣе низкихъ высотъ.

Небо все болѣе и болѣе прояснялось, но въ воздухѣ плавало множество крупныхъ пузырьковъ водяного пара, обусловливавшихъ собою недостаточную прозрачность атмосферы, и лучи свѣта, проходя черезъ небольшія отверстія между отдѣльными частицами легкихъ облачковъ, проносившихся передъ дискомъ луны, давали начало цѣлому ряду колецъ, окрашенныхъ въ различные цвѣта и сливавшихся въ одинъ общій радужный вѣнецъ *) вокругъ задумчиваго лика царицы-ночи на мутновато-голубомъ фонѣ небесъ. Вѣтеръ стихъ совершенно. Кучевыя облака, медленно плывшія далеко внизу, цѣпляясь за гребни сѣверныхъ и восточныхъ хребтовъ, теперь словно застыли на мѣстѣ, все болѣе сгущаясь, выравнивая причудливыя формы своей поверхности и превращаясь изъ темно-сѣрыхъ въ черныя тучи. За Чачской и Кистинской цѣпями ихъ то и дѣло прорѣзывала ослѣпительная молнія, чаще въ видѣ болѣе спокойной формы разряда скопившагося атмосфернаго электричества („плоскостная молнія"), сопровождающагося появленіемъ внезапнаго разсѣяннаго свѣта, озаряющаго всю грозовую тучу, небо и землю, впа-

*) Для этого диффракціоннаго явленія вообще необходимо, чтобы въ воздухѣ существовало извѣстное число пузырьковъ одинаковаго діаметра, или даже чтобы пузырьки такого діаметра составляли значительное большинство. Діаметры вѣнцовъ растутъ вмѣстѣ съ уменьшеніемъ діаметра пузырьковъ и наоборотъ, поэтому, въ силу того, что въ ненастную погоду частицы облаковъ увеличиваются въ размѣрахъ, а въ хорошую уменьшаются, вѣнцы вокругъ луны бываютъ значительно уже передъ дождемъ, нежели передъ хорошей погодой.

дающія непосредственно затѣмъ вслѣдствіе контраста въ еще болѣе густой, чѣмъ прежде мракъ,—рѣже въ видѣ ломанныхъ огненныхъ стрѣлъ („линейная молнія“), низвергавшихся куда-то въ бездну подъ глухіе раскаты грома, производившихъ порою своеобразный грохотъ, словно они по незримымъ ступенямъ ниспадали черезъ скалистыя пропасти.

А вокругъ насъ было все спокойно на просторѣ фирновыхъ равнинъ; на темно-голубомъ небѣ блестѣли яркія звѣзды; замирая, тихо журчалъ ручеекъ... По старымъ слѣдамъ, только съ несравненно меньшими удобствами, чѣмъ утромъ, когда фирнъ былъ достаточно твердымъ, мы сравнительно скоро перешли послѣднее фирновое поле, отдѣлявшее насъ отъ Первой Волгишки. Ея крутые восточные склоны, окутанные утромъ сплошной бѣлой пеленой, теперь оказались почти совершенно обнаженными отъ снѣга, какъ и лежащая у подножія ихъ сѣдловина, такъ что приходилось пробираться среди острыхъ реберъ сланцевыхъ скалъ и крупныхъ, не всегда устойчиво расположенныхъ, обломковъ лавъ. Чачъ и Девдоракъ еще рельефнѣй выдѣлялись теперь своей бѣлизной на фонѣ почернѣвшихъ гребней. Уцѣлѣвшія прогалины снѣга въ рамкѣ окрестныхъ скалъ принимали при лунномъ свѣтѣ положительно фантастическія очертанія какихъ-то сказочныхъ замковъ съ бѣлыми стѣнами среди густыхъ тѣнистыхъ парковъ, чему въ значительной степени способствовало, конечно, и разыгравшееся воображеніе въ разгоряченной отъ легкаго озноба и усталости головѣ.

Ровно въ девять часовъ вечера мы были въ Ермоловской хижинѣ. Въ ней почти все было залито сплошь водою, не исключая и тѣхъ нашихъ вещей, которыя мы не успѣли впопыхахъ хорошенько припрятать. Гребень Бартъ-Корта на его южномъ склонѣ почти доверху былъ свободенъ отъ снѣга: его смыло выпавшимъ днемъ теплымъ дождемъ. Термометръ показывалъ около 2°C. тепла, между тѣмъ какъ на Владикавказской метеорологической станціи приблизительно въ это же время было отмѣчено: $t = +19{,}5°C$; барометръ$=699{,}8$ mm.

Проголодавшись за день, мы теперь съ большимъ аппетитомъ принялись за консервы при тускломъ пламени свѣчи; къ сожалѣнію, запасы спирту оказались у насъ не достаточными, и вмѣсто горячаго чаю пришлось удовольствоваться не успѣвшей вскипѣть водою, подслащенной сахаромъ. Переодѣвшись во всё сухое и забравшись въ свой дорожный непромокаемый мѣшокъ, я вскорѣ заснулъ крѣпкимъ сномъ; Лалай тоже: усталость взяла свое. Когда мы открыли глаза, было семь часовъ утра. Мы не могли безъ улыбки смотрѣть другъ другу въ лицо: кожа на нихъ была точно обожженная, что, повидимому, объяснялось сильнымъ приливомъ крови, вслѣдствіе

разрѣжженнаго воздуха, къ наружнымъ покровамъ тѣла. Кругомъ висѣлъ густой туманъ, такъ что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя ничего нельзя было разглядѣть. Откуда-то снизу, со стороны Чача, доносился рѣзкій, пронзительный свистъ горной индѣйки *), да временами шелъ оглушительный гулъ отъ обваловъ въ верховяхъ Девдорака...

Переждавъ съ часъ, пока хоть немного разсѣется мгла, мы покинули хижину въ 8 часовъ утра, съ благодарной признательностью вспоминая тѣхъ, кто потрудился надъ ея постройкой. Пройдя на востокъ нѣкоторое разстояніе по узкой тропинкѣ, пролегающей по южнымъ осыпямъ и карнизамъ Бартъ-Корта надъ торчащими и мѣстами круто обрывающимися скалами, всякій неосторожный шагъ къ которымъ грозитъ опаснымъ паденіемъ, мы скоро достигли склоновъ Шалала, по которымъ уже довольно быстро и безъ особенныхъ затрудненій, искусно маневрируя альпенштокомъ среди безчисленныхъ сланцевыхъ обломковъ, спустились по Девдоракскому леднику. Въ 11 часовъ дня насъ окружали уже привѣтливыя лица рудниковыхъ рабочихъ-горцовъ, наперебой спѣшившихъ пожать намъ руки и поздравить съ благополучнымъ возвращеніемъ. „Ты теперь совсѣмъ нашъ, Дубано,—тебя самъ Казбекъ принималъ“, и добродушная открытая улыбка сопровождала эти простыя, наивныя слова... Лалай торопился домой и, наскоро напившись чаю, простился со мной, а гостепріимный Исакъ Безуртановъ еще долго удерживалъ меня у себя въ будкѣ, перебирая въ памяти и наши совмѣстныя прогулки, и старыхъ ветерановъ, съ которыми ему довелось неоднократно побывать на груди сѣдого великана.

Было два часа дня, когда я покинулъ Девдоракъ. Туманъ успѣлъ разсѣяться. Ярко засіяло солнышко, переливая своими лучами въ серебристыхъ капляхъ не успѣвшей подсохнуть росы. Мнѣ пришлось итти одному среди сочной зелени усѣянныхъ цвѣтами луговъ,—на пути не попадалось ни души. По тѣлу разлилась какая-то пріятная истома; все пережитое казалось чуднымъ сномъ. Въ глубокомъ раздумьи, не торопясь я медленно поднялся впередъ по знакомымъ

*) Горная индѣйка (Tetraogallus Caucasicus, Pall.) большая, рѣдко встрѣчающаяся въ другихъ странахъ птица, жительница малодоступныхъ снѣжныхъ горныхъ высотъ и прилегающей къ нимъ верхней границы альпійскихъ пастбищъ съ ея любимой травой (Potentilla). Онѣ любятъ парами, одна неподалеку отъ другой, бродить по крутымъ и обрывистымъ склонамъ хребтовъ, окаймляющихъ ложе ледниковъ, и при малѣйшемъ подозрительномъ шорохѣ необыкновенно быстро убѣгаютъ и замѣчательно ловко прячутся среди угрюмыхъ скалъ, вполнѣ гармонирующихъ своимъ фономъ съ ихъ опереніемъ.

дорожкамъ, оставляя далеко позади за собой и роскошныя альпійскія пастбища, и смѣняющихъ ихъ на высотахъ послѣднихъ карликовыхъ представителей цвѣтковыхъ растеній, уступающихъ подъ конецъ свое мѣсто мхамъ и лишаямъ, облѣпляющимъ угрюмыя скалы, гдѣ бродятъ красавцы туры, укрываясь отъ дневного зноя, и одинокіе пики, гдѣ ютятся альпійскія галки, да вьютъ свои гнѣзда ястребы и орлы, и покрытые саваномъ снѣга и льда горные массивы, уходящіе въ заоблачную даль и теряющіеся постепенно изъ глазъ, какъ бы сливаясь своимъ ослѣпительнымъ блескомъ подъ лучами южнаго солнца съ распростертымъ надъ ними пологомъ голубого неба...

Преподаватель Кіевскаго реальнаго училища *В. Дубянскій.*

Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.